

т а т љ я н а ш у р а н

п у л ь с

Татьяна Шуран

Пульс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23463130

ISBN 9785448395222

Аннотация

Я опустила глаза и увидела сквозь землю. Там, глубоко внизу, раскрывался гигантский цветок, переливавшийся, как серебром и кровью, неисчислимым множеством прозрачных, светло-алых, багряных оттенков. Он кипел и оведал холодом. Он дышал. От него поднимался ток, как зов. В воздухе растворялся пульс сияющих энергий. Они звали меня, звали мою душу. И я сделала шаг и полетела.

Содержание

1. Призрачный принц	5
2. Рабыня ночи	32
2.1. Красный дом	32
2.2. Новая Луна	101
3. Открытые свету	117
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Пульс

Татьяна Шуран

Дизайнер обложки Яковлева Полина

© Татьяна Шуран, 2017

© Яковлева Полина, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-9522-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Призрачный принц

Я иногда задумываюсь: какой любви я хочу? Вот мне уже семнадцать лет, а похвастаться, в плане любовного опыта, нечем. Считается, что в любви – смысл жизни, а я понятия о ней не имею. Говорят, Данте влюбился в Беатриче, когда ему было девять лет. Я, правда, не знаю, что чувствовала при этом сама Беатриче, но она определённо была немногим старше. Правда, они так никогда и не были близки. Но эта любовь вдохновляла великого поэта всю жизнь. Получается, что близки они всё-таки были? Кто был ближе к Беатриче: Данте или её муж, отец её детей (кстати, по слухам, она умерла от родов)? Его имя сейчас уже никто не помнит. А её – стало легендой. Может, это и есть бессмертие? А если не это, тогда что? Допустим, был бы у меня бессмертный возлюбленный. И что, мы вечно оставались бы вместе? Не слишком ли продолжительно? Если учесть, что большинство людей за пару десятков лет успевают друг от друга озвереть.

А может, бывает, что две души вместе где-то там перед богом, но как бы даже сами об этом не знают? Может, это и есть истинная близость? И кто или что, в таком случае, бог?

Занятая такими мыслями, я возвращалась из института – я училась на первом курсе технологического. Пары сегодня закончились поздно – солнце давно зашло, на улицы вместе с разноцветными электрическими огнями выливалась уже

почти совсем ночная, возбуждённо-легкомысленная жизнь. Я медленно брела вдоль витрин магазинов, как по выставке. Вероятно, моё романтическое направление мыслей заставило меня остановиться перед витриной со свадебными платьями. Она была оформлена в серебристо-чёрных тонах – на тёмном фоне отделялись точёные белые силуэты. Да уж, на в буквальном смысле бесплотной фигуре манекена любой наряд смотрится как надо... Я обратила внимание на большое чёрно-белое фото в глубине витрины: сквозь крест рамы – пустое прозрачное небо. Получалось, что я смотрю сейчас на небо как бы сквозь двойное стекло. Фотография оставляла впечатление какой-то зовущей дали... Внезапно меня ярким светом окатила фотовспышка. Я удивлённо обернулась – невдалеке от меня стоял молодой стройный мужчина с большой профессиональной камерой в руках.

– Извините, – улыбнулся он. – Не мог удержаться. Люблю наблюдать за наблюдающими.

– Со спины?

– Видите ли... Ваш силуэт перед серебристым стеклом, за которым находятся другие силуэты, создавал впечатление какой-то зовущей дали, – с немного лукавым выражением, которое я не знала, как истолковать, ответил он. Я смутилась и сообразила, что он повторил мою собственную недавнюю мысль.

– Мне понравилась фотография.

– Эта? – он кивнул на витрину. – Тоже моя работа. А теперь у неё, выходит, появилась вторая жизнь... Позвольте представиться – Влад, – он подошёл и протянул руку с едва заметной доброжелательной улыбкой на бледных, словно восковых губах.

– Тамара... – то ли от волнения, то ли от смущения перед его красотой, вблизи ослепившей меня, мне показалось, что от его руки к моей как будто пробежал холод, лёгкое онемение и вместе с тем мурашки, как брызги шампанского... Его кожа в неоновом свете ламп казалась мерцающей, как перламутр, яркие топазовые глаза так и пронизывали меня. Я смущённо потупилась: совершенно не умею вести себя с парнями, особенно с теми, которые мне нравятся – словно язык глотаю, а этот и вовсе казался сошедшим со страниц глянцевого журнала. Мельком я поймала отражение своей неуклюжей фигуры в витрине и подавила вздох: спортивная кофта, тёмные джинсы, кеды... не лучший вариант для того, чтобы очаровать незнакомца. Между тем он смотрел на меня с непринуждённой улыбкой, словно мы знакомы целую вечность и нет никакой необходимости лихорадочно искать тему для разговора... Молчание рядом с ним казалось естественным, он словно слышал мои мысли и самый стук моего сердца.

– Я фотохудожник, – пояснил он, убирая камеру. – А вы... простите, я вас, может быть, задержал?..

Я рассмеялась.

– Я иду из института... Вот, решила прогуляться пешком...

– Позвольте вас проводить?

– Конечно... – я неловко пожала плечами и развернулась, едва помня, куда иду. – Значит, это была ваша фотография? – вспомнила я о необычной панораме серебристого неба.

– Да. Я снимал это в Париже, по заказу ателье.

– В Париже?... Вы, должно быть, много путешествуете! Как это, наверное, интересно!

– Да... Хотя... Я иногда чувствую себя ненастоящим. Наблюдателем... Зрителем, не способным слиться с жизнью других людей. Наверное, я привык смотреть на мир сквозь объектив.

– Похоже, сегодняшний вечер – не исключение? – улыбнулась я.

– Как видите, – рассмеялся он. – Собираю материал для одного журнала. Иногда камера позволяет увидеть как бы скрытую реальность, то, что проявляется лишь на мгновение, если смотришь под определённым углом... Понять то, мимо чего мы проходим, не замечая. Вот, например: у нас над головой неоновые гирлянды, и они сейчас кажутся очень яркими. А на фото будет чёрное небо. Хотите попробовать?..

Я осторожно взяла тяжёлый аппарат и прицелилась в чёрный квадрат над улицей. Брызнула вспышка.

– Но ведь это, наверное, ещё не скоро будет проявлено? –

смеясь, спросила я и отдала оборудование.

– Хотите посмотреть, что получится? – улыбнулся он.

– Мне кажется, у вас должно быть много интересных работ, – призналась я.

– И теперь среди них есть ваша, – шутливо заключил он.

– Ну, идея-то не моя...

Тут я оглянулась и наконец заметила, что мы остановились неподалёку от моего дома. Я едва успела раскрыть рот, чтобы попрощаться с Владом, как из окна через улицу донёсся вопль моей младшей сестры:

– Томка! Ты где пропадаешь? Давай сюда быстро, тётя Марина тебя ждёт!

Только тут я вспомнила, что обещала соседке посидеть с её ребёнком, пока она сходит в кино.

– О, боже... – я бросила на Влада виноватый взгляд, – мне надо бежать... Спасибо, что проводили...

– До свидания, Тамара.

Он с той же неувлимо-ласковой улыбкой отступил на шаг, и я поспешила домой.

Странно, я совершенно не заметила, как пролетело время, а теперь словно очнулась от волшебного сна. Хотя мы с этим человеком были, в сущности, не знакомы, мне показалось, что наша ни к чему не обязывающая прогулка прошла в такой гармонии и взаимопонимании, словно между нами было сказано больше, чем в таких случаях полагается... И только дома я сообразила, что, наверное, мы расстались навсегда.

Он не спросил моего телефона, а я о нём ничего не знаю... «Разве только, – подумала я, – увижу свой силуэт в каком-нибудь журнале».

* * *

Однако буквально через день я, торопясь домой, заметила возле института серебристую иномарку, сиявшую, как мираж; я хотела пройти мимо к автобусной остановке, как вдруг дверца распахнулась, и из машины вышел мой недавний спутник – не знаю почему, но я продолжала думать о нём, как о прекрасном незнакомце. Наверное, оттого, что я совсем не ожидала его увидеть (и одета была, к сожалению, соответственно...), он показался мне каким-то призрачным и ещё более далёким, чем вчера. Его кожа словно светилась в вечерних сумерках.

– Тамара? Привет... – он казался немного смущённым. – Подвезти?

– Привет... Что ты здесь делаешь? – изумилась я. – Ты что... меня ждал?..

Влад рассмеялся.

– Совпадение... Проезжал мимо и вспомнил о тебе. И как-то... подумал: а вдруг встретимся? – Влад с очаровательной непринуждённостью пожал плечами. Ноги сами понесли меня к машине.

– Спасибо, конечно, но... как ты узнал, где я учусь?

— А... — он как будто смешался, — разве ты сама мне не говорила?

— Да?.. Забыла... Ну хорошо, если я не отвлекаю тебя от дел...

Через пять минут я была уже возле дома, хотя мне хотелось, чтобы дорога длилась вечно. На следующий день Влад позвонил мне, и с тех пор у меня впервые появился постоянный поклонник — хотя справедливее было бы сказать, что это я была его поклонницей.

* * *

За две-три недели, что мы встречались, я смогла гораздо лучше узнать Влада. И каждая новая подробность приводила меня в отчаяние: я всё больше понимала, какая пропасть лежит между нами. Ещё в первые дни, когда он подвозил меня, сокурсницы обратили внимание на дорогую машину; я плохо разбиралась в таких вещах, к тому же была слишком мало знакома с Владом, но подруги оказались правы. Выяснилось, что он из богатой семьи промышленников, а фотография для него — только хобби; он приехал в Москву по каким-то своим делам, а в основном жил во Франции.

И всё же разница в общественном положении была не так заметна, как то, насколько я уступала Владу в образованности, в аристократизме манер, в утончённости ума и вкуса. Он превосходно разбирался в искусстве, знал девять иностран-

ных языков — в том числе латинский и древнегреческий, увлекался гонками и верховой ездой — за границей у него был конный завод. Мы часто бывали в театре, и с его объяснениями любая пьеса казалась интереснее; он мог сравнивать спектакль с другими, в том числе зарубежными постановками, иногда цитируя длинные отрывки текста наизусть и к тому же в разных вариантах перевода. Пришлось мне расширить и мои познания в живописи: Влад приглашал меня в картинные галереи и на выставки — однажды даже на выставку его собственных работ. По-видимому, Влад питал слабость к ночным пейзажам, к тому же большинство его фотографий были чёрно-белые; но, несмотря на такое скупое цветовое решение, ему, на мой взгляд, удавалось передать главное: влажный весенний ветер, предрассветные сумерки, манящий простор высокого неба... В его работах ощущалось летящее мгновение жизни, мимолетной, призрачной. Я сказала, что его фотографии кажутся мне очень романтическими и немного печальными. Но подумала при этом, что рядом с таким мужчиной было бы самое место принцессе крови, а не студентке первого курса техноложки...

Больше всего меня поражало то, как Влад разбирался в людях. Казалось, ему достаточно одного взгляда, чтобы узнать о человеке все его мысли и тайные страсти. От пронизательности Влада мне порой становилось не по себе... но, с другой стороны, не потому ли наше общение проходило так на удивление комфортно и беззаботно, что он словно

угадывал мои слабости и бережно ограждал от впечатлений, которые могли быть мне неприятны?

Порой я спрашивала себя: сколько должен был пережить этот молодой ещё на вид человек, если по его характеру и поведению его можно было принять за зрелого, прошедшего через многие жизненные испытания мужчину? Иногда Влад казался мне отрешённым в душе от всех соблазнов и суеты, словно неземное существо. Я невольно пристальнее всматривалась в его холодные топазовые глаза, которые мерцали в полутьме, как глаза тигра, и он смущался.

Некоторые странности в его поведении я начала замечать не сразу, а когда заметила, списывала всё на разные не известные мне условности, принятые в кругу «избранных мира сего». Поскольку я вовсе не планировала занять какое-то заметное место рядом с Владом, я не обращала особого внимания, когда у меня складывалось впечатление, что он хотел бы скрыть наши отношения от каких-то своих знакомых. Порой он исчезал на несколько дней без объяснений, упомянув только, что «некоторое время нам лучше не встречаться», порой посреди какого-то вечера вдруг вставал и настойчиво просил меня уехать вместе с ним сейчас же в другое место... Но в конце концов я заупрямилась:

– Ты что, стыдишься меня? Ты иногда как будто боишься, чтобы нас не увидели вместе!

Он вздрогнул и посмотрел на меня с таким страданием, что я пожалела о своей вспышке.

– Тамара, – мягко сказал он, взяв меня за руку. – Поверь, ты мне очень дорога. Именно поэтому я предпочёл бы оградить тебя от лишнего внимания. Я не хочу посвящать тебя в тонкости нашего семейного бизнеса, но вспомни, пожалуйста, что я тебе говорил: я приехал по делу, вынужденно. Здесь у меня вовсе нет друзей, с которыми я мог бы тебя познакомить. Я не хочу представлять тебя людям, которые могут быть опасны, – он произнёс это так серьёзно, что я смутилась. Может быть, он шутит?

– Влад, но какие «дела» у тебя могут быть с такими опасными, по твоим словам, людьми?.. Мне кажется, ты преувеличиваешь...

– Возможно, – спокойно согласился он. – Просто... мне хотелось бы быть более уверенным в своём положении прежде, чем... Подожди ещё немного, хорошо?

Я рассмеялась.

– Влад, но чего мне ждать? Я ведь не набиваюсь к тебе в спутницы жизни... Мы не брали на себя никаких обязательств, мы оба свободны...

Влад посмотрел на меня так, словно хотел бы сказать больше, чем мог.

* * *

Зато он стал чаще приглашать меня к себе. Мне ужасно нравилось бывать в его очаровательной квартире на верх-

нем этаже небоскрёба; она была очень просторной и своей оригинальностью полностью соответствовала характеру владельца. Сквозь цельное окно от пола до потолка можно было наблюдать роскошную панораму огней столицы под бездной тёмного неба; внутри – чёрно-белые шкуры, круглая кровать, покрытая удивительно мягким покрывалом с серебристыми узорами, утопленная в полу мраморная ванна – как огромный аквамарин, и масса фотографий с призрачными пейзажами на стенах... Впервые увидев всё это великолепие, я почувствовала себя неловко; мне казалось, что такая обстановка идеально подошла бы для холёных, стильных женщин, настоящих пантер в человеческом обличье, но не для моей невзрачной персоны... Однако Влад так непринуждённо принял меня, что вскоре мы весело шутили и смеялись, когда он учил меня готовить настоящий кофе по-турецки на песке. Я совсем забыла, что я в гостях, и ослепительная роскошь этих апартаментов стала казаться как бы естественным продолжением необыкновенной красоты Влада; он доводил до совершенства всё, к чему прикасался.

Влад показал мне моё фото – то самое, первое, которое сделал в памятный вечер нашего знакомства; вышло, правда, очень красиво.

– Хочешь продолжить сессию? – с улыбкой предложил он. Я замялась.

– Но... ведь я не готовилась... – я с сомнением оглядела свой наряд: в сравнении с остальным моим гардеробом

мягкий чернильно-синий свитер из тонкой шерсти и тёмные брюки были недурны, но здесь, в этой необычной обстановке, где всё овеяно тонким художественным вкусом и беззастенчивым богатством... я выглядела именно тем, кем была: скованной, неискушённой «правильной девочкой», случайно попавшей в высшее общество. Влад усмехнулся.

– Если ты готова немного... ээ... поступиться девичьей скромностью... ты будешь эффектно смотреться в моей рубашке.

– А... остальное?... – не сразу поняла я.

– Остальное не впишется в образ, – с самым серьёзным видом ответил он.

– Ты хочешь, чтобы я позировала в одной рубашке?! – ужаснулась я.

– Мм... ээ... так, что тут у нас... – Влад вместо ответа зарылся в стенной шкаф и через некоторое время извлёк белую сорочку из такого тонкого шёлка, что можно было, наверное, продеть её сквозь кольцо.

– А она не прозрачная? – подозрительно осведомилась я.

– Надевай и проверим! – радостно отозвался Влад и ушёл за фотоаппаратом.

Я быстро скинула привычный костюм «популярной дочки» и, не давая себе времени передумать, натянула рубашку. Раньше я только слышала о том, как приятно льнёт шёлковая одежда к телу, а теперь испытала на себе! От удовольствия я даже покраснела, и наша «фотосессия» прошла

на удивление легко. Правда, в комнате не было ни одного зеркала, но мне хотелось любоваться собой, и я чувствовала, что и Влад мной любит... Он командовал, как профессиональный фотограф:

– Изобрази мне загадочный взгляд русалки... так... Руку немного в сторону... А теперь откинь с лица волосы, чтобы разлетелся веером... Отлично! Теперь посмотри сердито... Потрясающе!

Я выполняла его команды с радостным возбуждением и, казалось, за эту серию ярких вспышек пережила целую бурю эмоций. словно бесстрастная фотоплёнка выхватила из реальности новую женщину – ту, которая была не совсем мной, или мной-другой... Когда мы закончили, голова у меня слегка кружилась. Я в изнеможении рухнула на кровать. Влад опустил камеру.

– Ты очаровательная модель, – с улыбкой сказал он. – Очень фотогеничная. Знаешь, слово «фото» вообще-то переводится как «свет». У тебя какой-то особенный ореол.

Я потянулась.

– Я чувствую себя как-то по-особенному, – призналась я. – Может, дело в тебе? – и подумала про себя: «Ты очаровательный фотограф...»

Он подошёл к кровати и протянул руку, помогая мне подняться; как-то само собой и естественно я очутилась в его объятиях, и всё чувственное напряжение этого вечера вылилось в череде страстных, долгих поцелуев, которыми мы об-

менивались, как безумные... позже я подумала, что его поцелуи скорее походили на укусы; но тогда я словно опьянела; он ласкал моё тело сквозь рубашку... пальцы его коснулись моей шеи – и вдруг он отдёргнул руку, как будто обжёгся.

В одно мгновение он отпрянул от меня чуть ли не на противоположный конец комнаты, молча отвернулся и застыл, держась за стену. Я была так поражена внезапной переменой его настроения, что даже не сразу поняла, что случилось.

– Я... извини... – глухо проговорил он, нахмурившись. – Кажется, я слишком... тороплю события.

– Да нет, всё в порядке... – растерянно ответила я, но Влад уже овладел собой и взглянул мне в лицо с несколько натянутой улыбкой.

– На сегодня хватит, – холодно заметил он. – Переодевайся, а я пока пойду приготовлю кофе... и потом отвезу тебя домой. Мы совсем забыли о времени.

Я взглянула на причудливые часы, похожие на гору осколков чёрного мрамора, и внутренне ахнула: в самом деле, уже двенадцатый час! Я резво соскочила с кровати, но успела заметить, как Влад прежде, чем выйти из комнаты, ещё раз задержал взгляд на моей шее... Только начав переодеваться, я вспомнила про свой нательный крестик на серебряной цепочке. Не то чтобы я была уж очень религиозна, просто в детстве бабушка всегда надевала мне эту цепочку, и привычка носить крестик так и осталась. Позже Влад сам признался, что у него, оказывается, аллергия на серебро, и про-

сил меня никогда больше не надевать серебряных украшений. Я не очень-то любила безделушки, так только, иногда надевала стильные старинные колечки или браслеты, но после просьбы Влада, конечно, исключила серебряные вещи, и цепочку сняла.

* * *

Я чувствовала в наших с Владом отношениях какую-то недосказанность, и всё же меня влекло к нему. Возможно, я просто была слишком неопытна, потому что даже не могла толком сформулировать, что именно меня смущает: по здравому размышлению, он был безупречен – мечта, а не мужчина. Он всегда держался абсолютно непринуждённо, уверенно, рассказывал о своей жизни пусть с уместной долей сдержанности, но вполне ясно – у меня не было причин подозревать его в неискренности. Наверное, в глубине души я просто-напросто начала осознавать, что я его не заслуживаю. Такой, как я, нет места в его блистательной жизни, – вот и вся проблема. Влад принадлежал к высшему миру, и рано или поздно он туда вернётся, покинет меня... При мысли об этом я чувствовала горечь.

Моё тревожное состояние, конечно, не ускользнуло от внимания подруг. В итоге мне пришлось выдержать настоящий допрос с пристрастием, начавшийся, разумеется, как ни к чему не обязывающая болтовня.

– Томка, ты в последнее время сама не своя.

– Разве? – промямлила я.

– Ну, не то чтобы ты плохо выглядишь или что-то ещё...

Просто ты стала какая-то другая. Мечтаешь всё время, – Линка, моя сокурсница, коварно улыбнулась. – Признайся, у тебя новый парень? Ты с кем-то встречаешься?

– Мы не так уж близко знакомы... – растерянно ответила я; какой смысл врать, но и преувеличивать свои «успехи» тоже не хотелось.

– Это тот потрясающий красавец, который заезжал за тобой на потрясающей серебряной тачке? – подхватила другая моя подруга – словоохотливая Вера, на всех лекциях вязавшая что-то под столом.

– Звучит, почти как «на белом коне», – хихикнула Линка.

– Да... – я смутилась. – Машина правда красивая. Но у нас с ним, по сути, так только, дружеские отношения.

– И ты всерьёз считаешь, что ему этого достаточно? – саркастически приподняла бровь Линка, считавшая себя докой в таких делах и действительно бойко флиртовавшая сразу с несколькими парнями. – Ясно же, что ты ему нравишься!

– Тебе повезло, – мечтательно выдохнула Вера.

– Это ему повезло! – отрезала Линка.

Я молчала.

– Так вы встречаетесь? – снова начала Линка.

– Ну... ходим иногда вместе куда-нибудь...

– Какой-то у тебя вид неуверенный! Ты что, не зна-

ешь, встречаешься ты с парнем или нет?.. Кстати, сколько ему лет?

– Я... не спрашивала...

– Выглядит старше тебя лет на десять, – заявила Линка. – Ты вообще его о чём-нибудь спрашивала? Может, он уже женат?

– Может, – признала я. – Неловко спрашивать... Ещё подумает, что я на него планы строю.

– А что тут неловко? – возмутилась Линка. – Ты же должна знать о его жизни! Вы же общаетесь!

– Хотел бы скрыть, что женат, – соврал бы, – рассудительно заметила Вера.

– Просто пусть знает, что её этот вопрос интересует, – пожала плечами Линка. – А что, ты считаешь, он тебе врёт? – напрямик спросила она, снова повернувшись ко мне.

– Ээ... не думаю, – признала я. – Но ощущение какое-то... странное... Как будто он... не как все...

– Гей, что ли? – на этот раз хихикнула Вера.

– Да нет, я... не то хотела сказать, – возразила я, досадуя на себя, что до сих пор не разобралась в собственных чувствах.

– Тогда что? – продолжала напирать Линка.

– Мне всё время кажется, что от него исходит... какая-то сила, что ли... гипнотическая... как будто он слышит все мои мысли, угадывает желания, и... подчиняет меня, и я вроде как хочу подчиняться... – я сбилась и тряхнула головой. –

У меня такого раньше никогда не было.

– Э, да ты влюбилась не на шутку, подруга, – протянула Линка, внимательно слушавшая мою бестолковую исповедь.

– Похоже на то, – завистливо выдохнула Вера. – Может, это оно и есть, настоящее чувство?.. Впрочем, рядом с таким красавцем...

– Нет, нет, – версия насчёт романтического чувства показалась мне привлекательной, но всё-таки я имела в виду другое. – Я говорила сейчас не о своих чувствах, а именно... о нём. Какой-то он... скрытный. Вроде и рассказывает о себе, но так гладко – не к чему прицепиться. Как будто специально, чтобы лишних вопросов не задавали. То исчезнет, то опять появится. Ни с кем меня не знакомит. Получается человек без прошлого, без друзей, без семьи. Который живёт только ночью, разыгрывая старомодного идеалиста перед наивной дурочкой, а потом... уходит в какой-то другой мир. Жить настоящей жизнью.

Линка резко наклонилась ко мне, словно её посетила гениальная догадка.

– Я знаю, кто так себя обычно ведёт, – она окинула нас с Верой многозначительным взглядом. – Вампиры! – выпалила она и прыснула от смеха, глядя в наши разочарованные лица.

– Ну, если ты считаешь, что всё это ерунда... – обиделась я.

– Я считаю, что тебе пора спросить у него, не женат ли

он, – чистосердечно ответила Линка, дружески хлопнув меня по плечу. – И вообще: если тебя что-то напрягает, а парень не хочет объяснять, лучше сразу расстаться, чтобы потом не жалеть о впустую потраченном времени. Скорее всего, он тебя просто использует.

Я с уважением покосилась на Линку; она всегда отличалась твёрдым характером. Я, к сожалению, не была уверена, что смогу сопротивляться властному обаянию Влада... И вместе с тем я чувствовала, что боюсь узнать о нём что-то неприятное. Получается, я подозревала его?.. Да, наши, в сущности, неравные отношения не способствовали взаимному доверию... Хотя, возможно, прошло ещё слишком мало времени?

– Но для чего ему меня использовать? – возразила я.

– У вас секс уже был?

– В том-то и дело, что нет...

– Как? Ты встречаешься с парнем две-три недели, и он ни разу не предложил тебе секс?

– Ну... – мне всегда было немного неловко откровенничать на такие интимные темы; не понимаю девчонок, способных обсуждать в подробностях все свои похождения – хотя мне в этом смысле и похвастаться-то было нечем. – Так... целовались пару раз, и всё...

Линка недоверчиво покачала головой.

– Может быть, ты сама не хотела? Ты отказалась?

– Да нет, он ни на чём таком не настаивал...

– Понятно. Слушай, Томка, раскрой глаза. Приглядишься своему парню повнимательнее. Ты хочешь видеть в нём романтического героя из грёз, но он – реальный человек. И его поступки имеют реальные причины. Либо он женат и хочет поразвлечься на стороне втайне от жены. Но почему-то пока тянет время. Возможно, потому, что ты у него не одна такая, вот он и не торопится. Либо это – богатый гей, который ищет наивную покладистую девчонку для фиктивного брака. Таких мужчин больше, чем ты думаешь, и на лбу у них это не написано. Поняла? – Я подавленно кивнула. – Либо, третий вариант, он – какое-то сверхъестественное существо, мужик, каких не бывает в природе.

– Вампир, – улыбнулась Вера.

– Да. Дракула Брэма Стокера. Только имя сменил. Ты покопайся как следует в его родословной, – Линка засмеялась.

– Или надень на следующее свидание ожерелье из чеснока, – девчонки захохотали.

– Хватит вам, – мне стало немного обидно за Влада. – Нормальный парень. Нам интересно вместе. Вы его совсем не знаете, а нагородили бог знает чего.

Мои «советчицы» почувствовали, что перегнули палку, и примолкли.

– А всё-таки, девочки, клёво было бы встретиться с настоящим вампиром, – после паузы вздохнула Вера, мечтательно прижав к груди своё вязание. – Чтобы не приходилось думать обо всём этом... Борщи, пелёнки... Измены... Алименты...

А то – ночной ветер и звёзды над головой.

– И любимый, сосущий твою кровь, – иронически дополнила Линка, и мы снова покатались со смеху. – Ну и чем же он, в таком случае, отличается от среднеарифметического Васи Пупкина? – добавила Линка, вызвав новый приступ веселья.

– Кстати, его зовут Влад, – невпопад вспомнила я.

– Влад Цепеш, – загробным голосом сказала Вера.

– Нет, Сухоруков...

Это имя произвело неожиданный эффект. Девчонки разом перестали смеяться.

– Как?

– Влад Сухоруков?

– Слушай, а он часом не фотограф?

– Да ведь это известный фотограф!

– Томка, ну какая же ты дура! Блин, даже я знаю, кто такой Влад Сухоруков... «Человек без прошлого», – передразнила Вера. – Да ведь он живёт в Европе, а сюда только иногда приезжает!

– Да... правда... он что-то такое говорил...

– Ну, естественно! У него, наверное, работы столько, что урвать время для свиданий – настоящая наука!

– Конечно! – подключилась Линка. – Это тебе не на первом курсе техноложки штаны протирать... Он же настоящая звезда!

Я, признаться, была потрясена тем, как быстро девчонки

сменили гнев на милость.

– Но... откуда вы о нём столько знаете? – попыталась слабо сопротивляться я.

– Как – откуда? О нём же пишут, – Вера пожала плечами. – Я читала о нём статью в «Вог». Или нет, кажется, это было в «Космополитен»... И вообще, он работает со многими известными изданиями.

Я не увлекалась чтением глянцевого журналов; похоже, напрасно я считала это легкомысленным занятием. Зато теперь под единодушным напором подруг я поневоле почувствовала, что мои претензии к Владу довольно вздорны.

– Слушай, ты, при случае, познакомь меня с ним, – сказала Вера, деловито одёргивая на пышной груди блузку. – Вдруг ему нужны новые модели?

– Чтобы рекламировать одежду для полных женщин? – фыркнула Линка.

– А что? Тут главное – фотогеничность, – невозмутимо возразила Вера. – У меня знакомая есть, фотомоделью работает. Знаешь, в реальной жизни какая страшная? А на плёнке – конфетка. Знаешь, сколько получает? – Вера сделала многозначительную паузу и добавила: – А если ему модель не нужна, я хоть автограф попрошу. Томка ведь ни за что не попросит, постесняется...

Мы посмеялись, и разговор перешёл на другие темы.

* * *

Из-за этой легкомысленной болтовни я всё-таки не утерпела и решила слегка подколоть Влада. Стараясь говорить как можно небрежнее, я сообщила:

– Одна знакомая мне дала почитать Брэма Стокера. Я, честно говоря, не пробовала читать, только фильм смотрела... но подруги советуют. А ты что скажешь?

– Стокера? – Влад зевнул. – Это о Дракуле? Я тоже не читал.

– Правда? Жаль!.. Я твоему вкусу доверяю, – я кокетливо улыбнулась. – И потом, мне кажется, в тебе самом есть что-то от... хм... ээ... – я запнулась: глупо было говорить «кровососа», – загадочного принца ночи, – вывернулась я. Влад рассмеялся.

– Ты хочешь сказать: от вампира?

– Ну... да.

Влад с улыбкой покачал головой, глядя мне в лицо своими мерцающими, как луны, жёлтыми глазами.

– Насколько мне известно, – заметил он, – в народных поверьях вампиры – это ожившие мертвецы. Ты хоть представляешь себе труп не первой свежести? Раздутая туша, вся в пятнах тления. Да и воняют они, должно быть, до небес. Вот спасибоочки!

Я расхохоталась, и больше мы не возвращались ко всей этой «мистической» мишуре. В самом деле, секс-символы современной поп-культуры бывают иногда просто нелепы!

Но этот дурацкий разговор помог мне наконец сформулировать мои впечатления о Владе. «Загадочный принц ночи» – это было в точку! Кстати, мне припомнилось, что мы встречались с ним всегда только в тёмное время суток. Совпадение, конечно, но его образ оказался неразрывно связан для меня с ощущением чего-то призрачного, волнующего, с необъяснимым чувством, которое усиливается ночью. Я пыталась пару раз назначить ему свидание днём, но Влад объяснил, что слишком загружен на работе, у него ненормированный график, а поскольку его подчинённые работают посменно, его присутствие может понадобиться даже в выходные. Я не стала настаивать. В конце концов, мы с ним отлично проводили время и по вечерам!

* * *

В одну из ночей Влад пригласил меня на прогулку на роскошной яхте; я подставила лицо луне и ласковому ветру и забыла обо всём, думая, какое это счастье – вот так наслаждаться настоящим мгновением, не заботясь о будущем... Влад казался более задумчивым, чем обычно; я, с улыбкой наблюдая за ним, в который раз поразилась его необычайной красоте, призрачному сиянию ярких глаз и белоснежной кожи; он казался бесплотным, воздушным существом или обитателем подземного мира, явившимся сюда как гость и с удивлением, отстранённо наблюдающим за легкомыслен-

ными людьми... Я хотела сказать ему что-нибудь шутовское, чтобы немного развеселить; но вдруг он, словно приняв про себя какое-то важное решение, обернулся ко мне и задал неожиданный вопрос:

– Тамара, ты хотела бы поехать со мной во Францию?

Несколько приятных мгновений я раздумывала над этой перспективой небольшого отпуска:

– Вообще-то... у нас в институте пропуски не приветствуются... Но, думаю, на недельку можно выбраться... А что, ты закончил все дела в Москве?

Влад вздохнул и осторожно взял мою руку.

– Тамара, милая, боюсь, ты меня не поняла... Я предлагаю тебе уехать насовсем. Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

* * *

Признаюсь, первое время я просто не могла поверить, что всё это реальность. Я не могла ни о чём думать. О том, чтобы войти в жизнь Влада как ровня, как жена, я и мечтать не решалась. К тому же я подозревала, что он всё-таки женат или помолвлен с девушкой своего круга и оттого избегает знакомить меня с близкими ему людьми. Да, он всегда держался со мной безупречно, и мне порой было стыдно приписывать ему такие мелочные мотивы, но истории подруг настраивали на прагматический лад... Как ещё можно было объяснить его скрытность? Однако Влад со всей серьёзностью

объяснил, что если я дам согласие на брак, то он переговорит со своей семьёй и увезёт меня. Он настаивал, чтобы я непременно жила с ним за границей и даже свадьбу согласилась устроить там же. Меня немного удивило, что он придаёт такое значение этому условию, но, в принципе, можно было понять: сам-то он жил во Франции и, вероятно, считал, что там лучше... Что касается меня, мне не хватало опыта, чтобы судить. Я была за границей всего один раз, в Венгрии на каком-то курорте, больше средства не позволяли. Я знала, что многие девушки мечтают жить за границей. А мама будет только рада сбыть меня с рук: у неё ещё младшая, отец нам давно не помогает... И потом, мне, конечно, было интересно посмотреть на родной дом Влада, познакомиться наконец с его семьёй. Может быть, в привычной для него обстановке он будет менее скрытным? Меня снова преследовало неясное ощущение, что он чего-то недоговаривает...

Он подарил мне необычное кольцо с топазами и бриллиантом, напоминавшее мне свет его глаз... Вокруг нас шумели тёмные волны, по палубе блуждали призрачные огни; он мягко обнимал меня за плечи и говорил на ухо едва слышным голосом, что мечтал именно о такой девушке, как я, что моя искренность и нежность согревают его душу... И, конечно, все сомнения вылетели у меня из головы. О чём тут спорить?.. Я поняла, что просто не мыслю жизни без Влада, без его нежных, заботливых рук, задумчивых глаз, необыкновенно мудрых на таком молодом, безупречно прекрасном

лице...

Вне себя от счастья я прижалась к его груди; конечно, я сказала Владу, что собираюсь посоветоваться с родителями, всё взвесить... к тому же мне хотелось соблюсти определённый негласный этикет, по которому женщине не стоит слишком легко сдаваться – а я уже знала, как Влад ценил эти старомодные условности... но душа моя в тот же вечер сказала: «Да! На любых условиях – да!..»

2. Рабыня ночи

2.1. Красный дом

Влад снова исчез на несколько дней, но на этот раз ожидание озарялось надеждой, что скоро мы станем по-настоящему близки. Я совершенно забросила учёбу и готова была целыми днями любоваться на изумительное кольцо, лучившееся топазовым блеском, вспоминать наши чудесные свидания, слова, которые он мне говорил, и шептать про себя слова, которые я теперь мечтала сказать ему... Я, правда, ничего не знала о супружеской жизни, но рядом с Владом всё казалось нипочём; с тех пор, как мы познакомились, он вёл меня по жизни, уверенно преодолевая все затруднения – наверное, так будет и дальше... Я чувствовала себя девушкой, у которой исполняются все желания.

Однажды, когда я возвращалась домой из института (я всё-таки заглядывала на занятия для проформы), меня окликнул незнакомый мужчина. Подойдя поближе, я вдруг поняла, что его внешность кажется мне смутно знакомой.

– Вы меня знаете?.. – удивилась я.

– У нас есть общий знакомый, – улыбнулся он. – Влад, ваш жених. Я его друг.

В этот момент я поняла, что, хотя точно раньше не виде-

ла этого человека, что-то в его облике напомнило мне Влада: элегантные манеры, бледная, сияющая кожа, глубокий внимательный взгляд, в котором чудилось что-то гипнотическое...

– Влад просил меня заехать за вами. Он ждёт вас.

– Разве он уже вернулся? – растерялась я.

– Только что. Поэтому и не смог забрать вас сам, – мужчина обезоруживающе улыбнулся. – Но у него для вас какая-то важная новость, которую он хочет сообщить лично. Не беспокойтесь, – добавил он, видя моё замешательство, – думаю, новость приятная.

Я невольно улыбнулась; но всё же ситуация немного смущала меня. До сих пор Влад не познакомил меня ни с кем из своих друзей, и вдруг сейчас, когда его нет рядом... Почему он не позвонил? Он мог хотя бы предупредить о встрече...

– Меня зовут Стас, – словно спохватившись, мужчина с улыбкой протянул руку. Слегка задержав мою ладонь в своей, он внимательно заглянул мне в глаза. – Влад столько рассказывал о вас, что мне кажется, я вас хорошо знаю, – медленно проговорил он, и я вдруг почувствовала, что мысли у меня смешались – как в радиоприёмнике, когда возникают помехи. Я неловко улыбнулась и невольно сделала шаг назад. Пожалуй, ничего страшного не случится, если я сейчас перезвоню Владу на мобильный и уточню... да я, в конце концов, и не одета подходящим образом для «выхода в свет»...

– Не надо никому звонить, – словно прочитав мои мысли, монотонным голосом произнёс мужчина. – Сейчас ты пойдёшь со мной и сядешь в машину.

В следующий момент я поняла, что сижу в машине, которая едет по совершенно незнакомой мне части города. Да что это со мной?! Как я дала себя уговорить? Мысли путались.

– А куда мы едем? – растерянно спросила я у мужчины за рулём. Тот улыбнулся.

– Увидите.

Пришлось довольствоваться этим ответом. Я никак не могла вспомнить, как оказалась в машине, и вообще чувствовала себя неважно: голова слегка кружилась, тело будто свинцом налилось. Меня что, укачало?..

– Скоро приедем, – перебил мои мысли мужчина, и мы действительно свернули в какой-то двор. Машина остановилась напротив единственного крыльца ничем не примечательного четырёхэтажного здания. Возле дверей ждал ещё один мужчина, который предупредительно раскрыл дверцу. Мне ничего не оставалось, как выбраться из машины и, повинаясь приглашающему жесту, войти в дом. Тогда я ещё не знала, как надолго закроются за мной двери зловещего особняка и сколько ужаса мне придётся пережить в этих мрачных стенах.

* * *

Мой спутник – мне показалось, он был здесь кем-то вроде охранника – провёл меня через просторный холл к лифту и, к моему удивлению, нажал кнопку «минус первого» этажа, под которой значились, к тому же, «—2» и «—3». Мы вышли в небольшой коридор, и охранник распахнул одну из дверей. Я заметила, что и двери, и даже лифт здесь были на цифровых замках, которые мужчина открывал с помощью пластиковой карточки. За дверью оказалась довольно просторная комната, залитая электрическим светом, уставленная кожаными диванами и низкими журнальными столиками. Там сидело несколько мужчин и полуобнажённых женщин. Дверь за моей спиной с мягким щелчком захлопнулась, заставив меня вздрогнуть.

Внимательно приглядевшись к компании, я поняла, что меня ожидают крупные неприятности. Влада здесь не было. Девушки напоминали наркоманок – бледные, худые, с тёмными кругами под глазами – и были одеты в короткие прозрачные платья на голое тело. Меня поразило, что все они стояли на коленях, глядя в пол. Мужчины же – эффектные молодые люди в дорогих костюмах, небрежно расположившиеся на диванах, – молча разглядывали меня с холодными улыбками. Столы были уставлены пепельницами и бутылками со спиртным.

– Заходи, детка, – насмешливо предложил мне один из них, стройный блондин с алебастрово-бледной кожей. – Только тебя и дожидаемся.

Я не двинулась с места.

– Где Влад? – спросила я, всё ещё не веря в то, что меня обманули. Мужчины заулыбались.

– Заходи, – повторил блондин.

Я сделала шаг вперёд и вдруг поняла, что в этой комнате с самого начала показалось мне странным... Все стены были зеркальные, но никто из мужчин не отражался в зеркалах! Я с испугом переводила глаза с одного лица на другое и снова на зеркало. В зеркале отражались только девушки.

– Кто вы? – вырвалось у меня. Блондин поднялся и пошёл навстречу мне. В зеркале – никакого движения! Может, это какой-то оптический эффект?

– Это что, шутка? – в отчаянии сказала я.

Мне снова никто не ответил. Незнакомец смерил меня довольно пренебрежительным взглядом и лениво пощупал воротник моей поношенной рубашки.

– Ну и тряпье, – недовольно протянул он и коротко обронил повелительным тоном: – Снимай всё.

Весь его облик и холодный тон изобличали такую безжалостную жестокость, что я сразу поняла: он не шутит. Переведя дыхание, я резко развернулась и навалилась всем весом на дверь. Как и следовало ожидать, она не поддалась. Я заколотила по ней рукой и закричала:

– Откройте!

Блондин наблюдал за мной с усмешкой.

– Я не люблю повторять, – равнодушно сообщил он. Я

в изнеможении огляделась. Как отсюда вырваться?

Мужчина шагнул вперёд, протянув руку к моей шее, и я в ярости оттолкнула его.

– Убери руки!

Он оскалился, словно сопротивление ещё больше возбуждало его, и я увидела медленно удлиняющиеся клыки. Это выглядело так страшно и противоестественно, что я, сама от себя не ожидая, заорала как резаная – теперь уже не в попытке позвать на помощь, а просто потому, что потеряла над собой контроль... Господи, неужели это действительно вампиры? Мне казалось, что я попала в дурной сон.

Сильная, уверенная рука схватила меня; блондин намотал мои волосы на кулак, выволок меня в центр комнаты и швырнул к своим ногам. Свободной рукой он схватил бутылку, отбил у неё дно об край стола и ткнул верхнюю часть острыми осколками мне в лицо. Я зажмурилась.

– Слушай сюда, детка, – холодно произнес мужчина у меня над ухом. – Получаешь приказ – выполняешь немедленно. Если будешь выпендриваться, я превращу вот это вот личико в такое месиво, что тебе потом уже ни один пластический хирург не поможет. Поняла?

Я торопливо затрясла головой и почувствовала, как щёку мне царапает стекло – всё сильнее и сильнее.

– Точно поняла? – вкрадчиво повторил мужчина.

– Я всё поняла! – закричала я. – Пожалуйста, отпустите меня!

– Будешь слушаться? – ещё один тычок осколками.

– Да! Обещаю, что буду слушаться!

Хватка наконец-то разжалась, и я упала на пол. Остальные мужчины, сидевшие вокруг стола, наблюдали за мной с равнодушным любопытством, не более. Некоторые потягивали вино, которое полуголые девушки подливали им в высокие бокалы.

– Ну, покажи мне, что ты поняла, – лениво предложил блондин. Я вздрогнула. – Что тебе было приказано? – холодно напомнил он.

– Р-раздеться? – заикаясь, выдавила я.

– Мы долго будем ждать?

Трясущимися руками я сняла с себя рубашку, потом джинсы. Один из мужчин наблюдал за мной, поглаживая волосы девушки, которая положила голову ему на колени, в точности тем же жестом, каким люди обычно гладят кошку. Я замешкалась.

– Чт-то, всё снимать?..

Услышав в ответ ледяное молчание, я торопливо сбросила бельё.

– Встань прямо. Спина прямая. Голову выше, – в подбородок мне упёрся осколок бутылки, и я вытянулась, встав едва ли не на цыпочки. Блондин одобрительно усмехнулся.

– Девственница?

Я не удержалась и бросила на него яростный взгляд. Меня всю трясло.

– Твоё какое дело, сволочь?

– Я буду у тебя первым, – светским тоном заметил мужчина. Я невольно отпрянула от него, слёзы навернулись на глаза. – Но не последним, – с усмешкой добавил он, – даже если посчитать только сегодняшний вечер.

– Зачем вы это делаете? – крикнула я, озираясь. В жизни не видела столько равнодушных, неестественно застывших лиц – как в замедленной съёмке! – Пожалуйста! Отпустите меня! – умоляла я.

– Из-за чего столько шума? – тем же светским тоном обронил блондин. – Рано или поздно это всё равно произойдёт. Ты же не собираешься оставаться девственницей всю жизнь? Расслабься и получай удовольствие. Если ты понравишься нам, то, может быть, даже останешься жива, – пообещал он.

Я с трудом переводила дыхание; слёзы жгли лицо. Вдруг я вспомнила о Владе. Он ведь намекал, что мне грозит опасность! Так вот чего он боялся!

– Кто бы вы ни были, Влад узнает! Он найдёт меня! У вас будут проблемы! – крикнула я; губы мне плохо повиновались, но я старалась говорить как можно увереннее. В ответ мне послышался дружный хохот – на этот раз отреагировали все.

– О, святая невинность! – сочувственно протянул один из мужчин.

– Да ведь это именно он нам тебя порекомендовал! – сообщил другой.

– Он, может быть, тоже к нам присоединится, – ехидно добавил третий. – Позже.

Я не верила своим ушам. Неужели?.. Влад с ними заодно!.. Он специально заманил меня сюда! А теперь...

– О, господи, – простонала я. – Господи, отче наш... – я лихорадочно пыталась вспомнить слова молитвы. Может, они боятся распятий?.. Блондин устало вздохнул, словно начался спектакль, который он видел уже много раз.

– Заткнись, – негромко обронил он. – На колени.

Я, помешкав, упала на колени, но мысленно продолжала звать к богу, хотя ни одной молитвы до конца не знала.

– Да нет здесь никакого бога, – скучающим тоном заметил блондин. – Что за глупые суеверия у вас, людей. В реальности дело обстоит так. Мы – кэлюме, высшая раса, единственная высшая сила на земле. Вы, идиоты, называете нас вампирами, упырями. Можно подумать, сами вы – ангелы небесные. А на самом деле мы – хозяева планеты. Мы приказываем – вы подчиняетесь. Вы – тину, людва, низшие существа. Ты запоминаешь? Я к тебе обращаюсь.

Я затрясла головой. Я уже готова была с чем угодно согласиться, даже с тем, что они – пришельцы с другой планеты, а я – китайский император. Он непринуждённо провёл пальцем вниз по моей шее к груди.

– Так что от тебя не убудет, если мы тебя трахнем. Ты радоваться должна. Или ты предпочитаешь от соседа Пети заразиться сифилисом? Или залететь от чужого мужа?

– Пожалуйста, отпустите меня, – повторила я. Он больно сжал пальцами мой сосок. Я замолчала и снова стала мысленно обращаться к богу. Блондин внезапно отошёл и уселся на диван, наблюдая за мной рассеянным взглядом. Потом взял бокал.

– Подай вина, – негромко бросил он, как бы ни к кому не обращаясь. Я растерялась. В этот момент одна из девушек впервые взглянула на меня и торопливыми жестами показала, что я должна взять одну из бутылок и наполнить его бокал, а потом снова уставилась в пол. Я нерешительно потянулась к той бутылке, которую она указала, и направилась к блондину, но та же девушка, схватив меня снизу за локоть, показала, что я должна сначала встать на колени. Мне казалось, что я попала в сумасшедший дом. Они тут что, все немые?..

Наполнив бокал, я отползла в сторону. Блондин, казалось, тут же забыл обо мне; между мужчинами завязался какой-то разговор, из которого я не поняла половины слов, но определённо не имевший никакого отношения ни ко мне, ни к тому, что здесь только что произошло; похоже, возобновилась беседа, которую я временно прервала своим появлением. Девушки делали мужчинам массаж, меняли пепельницы, подносили зажигалки, подавали вино. Присмотревшись к ним, я ещё раз поразились их болезненному внешнему виду: бледная до синевы кожа, запёкшиеся губы, запавшие глаза; некоторые из них буквально с трудом держались на ногах. На ли-

цах у всех застыло заторможенное, бессмысленное выражение, сменявшееся порой испугом; на теле у многих виднелись синяки и шрамы. Впрочем, заметно было и то, что все были когда-то красавицами; их стройные, высокие фигуры и пышные длинные волосы всё ещё выглядели эффектно.

Улучив момент, я шёпотом спросила у одной из девушек:
– Что здесь происходит?

Она взглянула на меня с отчаянием.

– Слушайся и молчи, – едва слышно посоветовала она, опустила взгляд в пол и больше не ответила ни на один вопрос.

Между тем вечер, видимо, перешёл в решающую фазу. Один из мужчин уложил служанку на диван и без лишних церемоний овладел ею; я смотрела на это, просто не зная, как себя вести. Худшие мои опасения подтвердились. Это публичный дом. Неужели все служанки здесь – ещё и наложницы?.. Мне казалось, что такое мучение просто невозможно пережить. Другие мужчины совершенно спокойно продолжали разговор или ощупывали хлопотавших вокруг них девушек, как подвернувшиеся под руку вещи. У них что, совсем нет стыда?.. Похоже, секс для них не предполагал никаких личных чувств. Внезапно насилуемая девушка болезненно вскрикнула; второй вампир, не обращая внимания на первого, взял её руку, прокусил вену и принялся сосать кровь. Я почувствовала, что у меня всё плывёт перед глазами.

– Эй ты, новенькая, – донёсся до меня ленивый голос;

я обернулась. Блондин, невозмутимо глядя на меня, молча поманил меня пальцем. Всё во мне похолодело. Неужели мне предстоит то же самое?..

Я подошла, едва держась на ногах, и снова упала на колени.

– Пожалуйста, не мучайте меня! – взмолилась я. – Пожалуйста... – Я снова почувствовала его пальцы на своей шее и неожиданно для себя разрыдалась. Он крепко ухватил меня за шею и потащил куда-то к дальней стене. Я почти ничего не видела от слёз. Он начал надевать на меня какую-то странную кожаную сбрую; я ещё раньше заметила эти причудливые ремни, но просто не могла понять, зачем они нужны. Внезапно на лицо мне лёг большой кляп, похожий на намордник; я чувствовала, как блондин застёгивает это кошмарное устройство у меня на затылке, затягивая потуже. Мне стало трудно дышать. Потом кожаные ремни связали мне запястья за спиной. Мужчина подтянул к потолку петли, перехватившие в нескольких местах моё тело, и я оказалась висящей в воздухе, без опоры, совершенно беспомощная; всё это было настолько непривычно и жутко, что мне казалось, я вот-вот потеряю сознание. Волосы упали мне на лицо, я видела только пол и собственное голое тело... Руки ужасно болели, я непроизвольно попыталась снова заговорить, но из-за кляпа смогла только глухо застонать. Пальцы мужчины проникли в меня, и он удовлетворённо усмехнулся.

– Прочувствуй знаменательность момента, – посоветовал

он, и я с запозданием поняла, что он обращается ко мне. — Девственная кровь считается у нас деликатесом. Так что твоё расставание с невинностью — приятное событие не только для тебя, но и для меня.

Я уже ничего не соображала от ужаса. Всё, что он делал, было сплошной пыткой. Мои глупые представления о том, каким должен быть мир, кем должна быть я, развеялись, как дым. Я просто не представляла себе, как жить дальше, как примириться с собой — униженной, использованной, втоптанной в грязь. Вампир интересовался не столько сексом, сколько слизыванием крови с моих ног, а потом я почувствовала такую боль, что даже изнасилование отступило в сторону — он прокусил мне артерию с внутренней стороны бедра. Наверное, не надень он мне кляп, я визжала бы на весь дом. Нога у меня сразу онемела, да и вообще я уже почти не чувствовала своего тела. Потом он меня снова изнасиловал и оставил висеть на кожаных ремнях. Я видела, как с пальцев моих ног на пол капала кровь. Я сильно ослабела и впадала в какое-то полубытьё.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я почувствовала, как чьи-то руки отвязывают меня; должно быть, немного, хотя мне показалось, что я висела там целую вечность. Вечеринка продолжалась как ни в чём ни бывало. Мужчина — краем глаза я заметила, что это был уже другой вампир — вытащил кляп, и меня вырвало на ковёр; я закашлялась. Он пнул меня ногой в плечо; я подняла голо-

ву и увидела, что две-три девушки машут мне руками, подзывая к столу. По-видимому, от меня ждали, чтобы я снова приняла участие в прислуживании мужчинам. Видя, что я не двигаюсь, вампир схватил меня и за волосы отволол на место. Усевшись на диван, он выжидательно уставился на меня.

– Давай шевелись, принцесса на горошине, – холодно заметил он. – Здесь работать надо, а не только ноги раздвигать.

Плохо соображая, я взяла бутылку и бокал, но руки не слушались меня, и вино пролилось. Я вдруг почувствовала ужасную усталость. Отбросив бутылку, я закрыла лицо руками. На то, чтобы говорить, сил не осталось, и я только подумала: «Подите вы все к чёрту». Меня тут же подхватили чьи-то руки – много рук со всех сторон – и уложили на диван. Я была в предобморочном состоянии и помню только, что меня по очереди изнасиловали и укусили ещё несколько вампиров.

* * *

Следующие несколько суток я провела в бреду; когда я очнулась, то увидела тускло освещённую анфиладу комнат, похожую на общежитие; на соседней кровати сидели две девушки и при свете ночной лампы играли в карты. Равнодушные голоса отмечали:

– Туз...

– Десятка пикей...

– Всё.

Я вздохнула и попыталась приподняться. В голове шумело.

– Девочка очнулась, – безучастно заметил третий голос откуда-то из угла. Затем ко мне приблизился силуэт высокой женщины. Она присела на край кровати и положила руку мне на лоб.

– Очнулась? Лежи тихо, – сочувственно произнесла она.

– Где... я?.. – я с трудом разлепила губы.

Женщина вздохнула.

– Где? – переспросила она. – Ты в помещении для обслуживающего персонала, – с этими непонятными словами она поднялась и куда-то ушла.

– В вампирском публичном доме, – помолчав, конкретизировала она из девушек, игравших в карты.

– Хотя у кэлюме это называется «закусочная», – добавил голос из угла.

Я в изнеможении откинулась на подушку.

Так значит, это был не бред?.. А что происходит? Как долго я здесь пробыла? Кто эти женщины?

Я бросила по сторонам беспомощный взгляд. Из-за плохого освещения я видела только силуэты. Продолжать расспросы не было сил. Я закрыла глаза.

Через некоторое время высокая женщина вернулась, держа в руках чашку бульона. Стуча зубами о край чашки, я

сделала несколько глотков и почувствовала, что комок подступает к горлу. Женщина успокаивающе положила руку мне на плечо.

– Не волнуйся. Лежи. Экономь силы. Они тебе ещё понадобятся.

* * *

– И хотелось бы тебя порадовать, да нечем, – монотонно говорила худощавая темноволосая рабыня – «Шоколадка», как она представилась. По матово-бронзовому оттенку её кожи действительно можно было предположить, что когда-то она была смуглой. Откинувшись на измятую подушку, она курила сигарету за сигаретой. – Одно могу сказать: нам жаль, что всё так случилось. Ну, что с тобой было. Но, как бы для тебя это сейчас возмутительно ни звучало, всё же поверь нашему опыту: здесь бывает и гораздо, гораздо хуже. Мы просто тебя сейчас пугать не хотим. Поправляйся пока. И мой тебе совет: не ерепенься. Здесь все через это прошли. Пути вверх отсюда нет, это билет в один конец. Всё, точка.

Я слушала и не могла избавиться от ощущения нереальности, какого-то безумного фарса. Просто не верилось, что живой человек способен говорить такие вещи. Девушки все как одна с таким упорством убеждали меня в бесполезности какого-либо сопротивления и в том, что мне даже «повезло», что казалось, они меня разыгрывают.

– Но... как же вы можете... так жить?.. – едва слышно прошелестела я; говорить было трудно, но оставаться в неведении – ещё труднее. «Шоколадка» равнодушно на меня посмотрела.

– Тех, кто не может «так» жить, нет в этой комнате. Они умерли, – хладнокровно пояснила она.

– И... многие умерли?.. – с ужасом пролепетала я, не веря, что мне приходится произносить такие слова. «Шоколадка» окатила меня ещё одним равнодушным взглядом.

– Я здесь около полугода. За это время – только на моих глазах – убили около двухсот девочек, девушек и женщин. Искалеченных в подполе – несколько десятков. Без рук, без ног, с переломанными костями. Нам иногда жареную человечину вместо обеда подают, для устрашения. Женскую ручку или ножку в собственном соку. И следят, чтобы все съели по куску. Поняла? Я не пугаю тебя, просто запомни: в Красном доме – так называется заведение, где ты теперь работаешь – есть места похуже гостиной. Попадёшь на нижний этаж – будешь умирать медленно и мучительно.

– А... за... что туда попадают? – прошептала я. «Шоколадка» усмехнулась.

– Грамотный вопрос. За непослушание. За неловкость. За нерасторопность. За неправильные мысли. Ты уже поняла, что они умеют читать мысли?..

Я так заволновалась, что даже села на постели.

– Послушай, – неуверенно прошептала я, – это что, правда

настоящие вампиры?.. – я всё ещё сомневалась, не сошла ли я с ума. «Шоколадка» пожала плечами.

– Они называют себя «кэлюме». Высшая раса. Обладают разными сверхспособностями. С людьми не скрещиваются. Невозможно родить ребёнка-полукровку от вампира, невозможно стать вампиром от их укуса. Это всё, что я знаю. Они не поощряют интереса к их миру.

Я глубоко вздохнула, пытаюсь привести мысли в порядок.

– Господи... – вот и всё, что я выдала в итоге. – Невозможно поверить...

– Да уж, – «Шоколадка» усмехнулась, глядя в потолок. – Мы-то привыкли считать себя венцом творения. Человек – царь природы. Так вот, насколько я могу судить, для кэлюме мы – нечто вроде домашних животных.

– А они что, – осторожно поинтересовалась я, – убивают только женщин?

– Да нет, вряд ли, – «Шоколадка» выпустила струю дыма в потолок. – Просто здесь заведение такое... определённого типа. Небольшой кабак на самый примитивный вкус. Так, перекусить на скорую руку, ну и заодно потрахаться. Без изысков. А вообще я тебе сейчас странную вещь скажу, но похоже, что кэлюме – матриархальная цивилизация. Перед своими женщинами они буквально пресмыкаются. Ты этого ещё не видела, но это напоминает массовый психоз, без шуток. Какая-то у них там особая близость, совершенно потрясающая. Я так понимаю, связанная с их психическими

способностями. Потому что секс, ну то есть собственно половой акт, они считают чем-то вроде... ну, разновидностью массажа, что ли. Это, по их понятиям, вообще не близость.

– Слушай, а... – мои мысли перескочили на другую тему, – вот все эти легенды... о том, как... ну... Солнце? Кол в сердце? Отсечение головы?..

«Шоколадка» неторопливо затушила сигарету, встала с кровати, подошла ко мне и опустила на моё лицо тяжёлый, долгий взгляд.

– Послушай меня внимательно. От того, насколько хорошо ты поймёшь то, что я тебе сейчас скажу, зависит твоя дальнейшая жизнь. Насчёт солнца, кола в сердце, отсечения головы, а также серебра и чеснока, – это всё правда. И для нас, презренных, ничтожных рабынь, это означает одно: что мы готовы любой ценой оградить наших бесценных, обожаемых господ от подобного рода неприятностей. Самая мысль о возможном покушении на жизнь, здоровье или даже просто хорошее настроение господина приводит рабыню в ужас и смятение. Поняла? – «Шоколадка» выдержала паузу. – Помнишь, что я говорила тебе о неправильных мыслях?

Я через силу кивнула.

– А теперь – правильные мысли. Затверди их, как «Отче наш». Люди – никчёмная, примитивная раса. Высшее счастье для человека – служить вампиру. Кэлюме мудры, прекрасны, вечно молоды. Они читают в душах, как в открытой книге. Люди для них – не более чем забавные питомцы, кото-

рых надо дрессировать и иногда наказывать, а порой и усыплять. И это не оскорбительно, это естественно. Это – свидетельство высокого духовного развития наших великодушных господ. С нами по-другому нельзя. Любая женщина мечтает именно о такой жизни. Украшать досуг сильных, гордых мужчин – наше предназначение. Мы не видим, не слышим и не понимаем ничего, кроме приказов господина. Поняла?

Я судорожно кивнула.

– Повтори.

Я взглянула на неё с удивлением.

– Повтори, или ты больше не услышишь от меня ни одного слова, – невозмутимо сказала она.

– Я... н-не... не вижу... не слышу, и не понимаю... ничего, кроме приказов господина.

– Отлично, – кивнула «Шоколадка» и вернулась в свою кровать. – Сейчас ты ещё не веришь в эти слова, но придёт время, и ты поймёшь, насколько я была права.

Я вздохнула. При всей сдержанности и рассудительности моей собеседницы, у меня закралось подозрение, что она буйнопомешанная. Я почувствовала, что мне совершенно некому довериться, не на кого рассчитывать.

– А настоящую-то «Отче наш» я и не знаю, – вздохнула я, обращаясь к «Шоколадке», поскольку больше поговорить всё равно было не с кем.

– Отлично, – без раздумий отозвалась та, заворачиваясь в одеяло. – Молитвы на них тоже как-то не очень хорошо

влияют. Тебе повезло, что не знаешь молитв. Если б знала, у тебя вырвали бы их вместе с языком. Тут одна девочка была, очень набожная. Ты не представляешь, как они над ней издевались. Заставляли на икону плевать, насиловали распятием. Говорили ей, что они – демоны, только вчера из ада. Она так мучилась. Короче, я тебе советую вообще забыть слово «бог», – «Шоколадка» зевнула и выключила лампу возле своей кровати. – Спокойной ночи.

* * *

На следующий день на пороге появился вялый вампир. Выглядел он так, словно не выспался и, прислонившись к косяку, ничего не делал и не говорил, но взгляд его прошёлся по комнатам, как радар. Тогда я ещё не знала, что наблюдение за девушками ведётся в основном телепатически; за время жизни среди людей я не привыкла держать мысли в порядке. Девушки, преклонив колени, молча ждали. Мужчина лениво махнул мне рукой, приглашая идти следом, и вышел, не говоря ни слова. Я испугалась. Вдруг опять начнут мучить, бить?

Однако мы миновали дверь в гостиную, которая внушала мне ужас при одном воспоминании, и прошли, к моему удивлению, в довольно просторную комнату, похожую на медицинскую палату. Здесь стояли шкафы с лекарствами и медицинские приборы, дальше – несколько больничных коек;

на капельнице лежала девушка. «Что же, среди их сверхспособностей нет целительства?» – мелькнуло у меня, и, вспомнив предупреждение соседки, я прикусила язык, хотя почему-то хотелось засмеяться.

– Не умничай, – лениво бросил через плечо мой спутник, и я «мысленно замолчала». Он жестом указал мне на кресло, сам сел в другое и усталым жестом вынул из стола бланк.

– Сколько лет?

– Семнадцать...

– Наследственные заболевания? Хронические? Наркотиками не баловалась? – Я молча качала головой. – Девственница? А, да... Аборты? Тьфу... – вампир зевнул. Сердце у меня так тяжело заколотилось, что я даже почувствовала боль в груди. Я нахмурилась, стараясь не заплакать.

– Вставай на весы, – обронил он.

Как в тумане, я поднялась, не зная, куда идти.

– Слева. Возле двери. Это право. Ты что, не знаешь, где право, где лево?

– Туфли снимать? – процедила я сквозь зубы.

– Снимай. И всё остальное тоже. До кучи. – Вампир снова зевнул.

Я угрюмо стащила с себя одежду. Он замерил мой рост, вес, объём груди, талии, бёдер, зачем-то ещё шеи, лодыжек и запястий – «Для кандалов, что ли?», – мелькнуло у меня.

– Да, – вслух ответил он. Прикосновения его рук заставляли меня каждый раз невольно вздрагивать и отстраняться,

но его, казалось, интересовали только данные сантиметра.

– В гинекологическое кресло, – наконец скомандовал он.

«Интересно, а правда, что от вампиров ничем нельзя заразиться?» – снова мелькнула неосторожная мысль, пока мужчина осматривал меня, но он не ответил. Вместо этого он снова записал что-то в бланк и опять зевнул.

– Блин, пять часов... – процедил он сквозь зубы; видимо, было пять часов вечера. – До заката ещё... умереть можно, а тут... чёрт-те что! Иди сюда, – это мне. Я слезла с кресла. Он окинул меня задумчивым взглядом.

– Анальный секс был? – помолчав, поинтересовался он тоном полнейшего профессионального безразличия, словно не мог придумать, чего бы ещё спросить. Я молча покачала головой. Он взглянул на меня с интересом. Потом достал из шкафа какую-то баночку, а свободной рукой ухватил меня за локоть и препроводил к ближайшей койке.

– Ложись на живот.

Он говорил таким будничным тоном, что мне и в голову не пришло, что он собирается делать, даже когда он уселся верхом мне на бёдра, а его руки пробежались от моей шеи вдоль спины. Однако затем я почувствовала его пальцы там, где, по моим понятиям, уж и вовсе не было ничего привлекательного. Я невольно сжалась, не знаю, от чего больше – от неловкости или отвращения. Мне было стыдно даже подумать, что кому-то может нравиться такое.

– Да расслабься. Чего ты паришься, – он снова успокаивает.

вающе провёл пальцами по моим плечам, а потом я почувствовала, что он смазывает меня чем-то, каким-то кремом – его пальцы проникали внутрь всё настойчивее.

– Расслабься, – повторил он. – Дыши глубже.

Несмотря на моё состояние, его успокаивающие движения сделали своё дело, и я действительно попыталась немного расслабиться – я не хотела, чтобы было больно, как в прошлый раз. Я стала немножко поддаваться ритму, в котором он ласкал меня. Он овладел мной сзади и, хотя сердце у меня колотилось от страха, я почти не почувствовала боли. Он легонько покусывал меня за плечи – то ли поддразнивал, то ли по привычке – но крови не пил.

Наконец он отпустил меня. Голова слегка кружилась. Он бросил мне полотенце.

– Всё, тину. Теперь свободна.

Я вытерлась и оделась. Ноги у меня подгибались. Я была потрясена – прежде всего тем, что всё произошло так абсурдно и в то же время естественно... На прощание он сунул мне в руки баночку с кремом.

– Возьми, детка. Дарю. У меня ещё есть. А тебе пригодится. Чуть что – смазывай. Чтобы мне потом зашивать не пришлось. Дорогу назад сама найдёшь?

Я добралась до своей комнаты совершенно без сил, молча рухнула на кровать и отвернулась к стене. Через два часа выяснилось, что врач признал меня пригодной к работе, и я отправилась вместе с остальными девушками в гостиную.

* * *

Мне казалось совершенно невозможным выйти после зверского надругательства «на работу» и вести себя так, словно ничего не произошло. Какой смысл сохранять такую жизнь? Нужно сопротивляться, нужно дать им понять, что я личность, что у меня тоже есть чувства – пусть даже они считают меня существом «низшей расы». По счастью, девушки отвлекли меня от этих самоубийственных мыслей, наперебой инструктируя перед «рабочей ночью».

– Значит, так. К клиентам обращаться: «хозяин» или «господин». Говорить, только если тебе разрешили.

– Если хозяин смотрит на тебя, а ты не поймёшь, что ему надо, самый лучший вариант – встать на колени и коснуться лбом пола. Так ты подтверждаешь свою готовность повиноваться. Ну-ка, попробуй. Только не каракатицей! Изящно и скромно. Поняла? Если ничем не занята – встань на колени и голову не поднимай.

– Вообще старайся поменьше зыркать по сторонам. Меньше видишь – меньше чувствуешь, меньше чувствуешь – меньше думаешь, меньше думаешь... меньше раздражаешь. Это я тебе уже из своего опыта говорю, неформально.

– Не пытайся подольститься к ним, они этого не любят. Разжалобить тоже не пытайся. Поменьше мыслей о том, что ты любила в прежней жизни, о своих родных, о боге и о та-

ких вещах, как месть и справедливость. Никакого бога нет и справедливости тоже нет.

– Старайся запомнить, кому какое вино нравится, ну и прочие привычки. Хотя для них это не очень важно. Главное – чувства и мысли. Даже когда занимаешься сексом – держись нейтрально, бесстрастно. Твоя задача – ничем не привлекать внимания. Ты должна быть незаметной, как будто тебя вообще нет.

* * *

Когда я вошла в эту ужасную комнату, мне показалось, что я сейчас упаду в обморок; однако врач, помимо медицинского заключения, прислал мне к тому же нюхательную соль, которой мне за этот вечер не раз пришлось воспользоваться. Я старалась следить за происходящим, но случалось, застывала в каком-то оцепенении и даже не замечала этого, пока меня не приводили в чувство пинки подруг или кого-нибудь из клиентов; я была удивлена, потому что раньше со мной такого не бывало. Тогда я не знала, что со мной, как с новенькой рабыней, обращались довольно снисходительно. Мне казалось, что я, присутствуя на этом вечере, выдерживаю чудовищную пытку, совершаю подвиг жизнестойкости. Я почти не запомнила, что происходило, кроме того только, что несколько раз меня чуть не вырвало; помогла нюхательная соль и чьи-то пощёчины. Я даже не помню, пользо-

вались мной или нет, хотя, кажется, нет. Потом я вернулась к себе и проспала сутки, как убитая. Потом меня снова вызвал к себе врач, сказал, что если я сделаю ему приятно, он напишет мне освобождение от следующего вечера. Я никогда не практиковалась в таких вещах, и он меня многому научил. Хотя потом я узнала, что в его обязанности входило в том числе и обучение наименее опытных девушек. К тому же он схитрил и, хотя освобождение написал, вместо клиентов сам немножко пососал мою кровь. Но я тогда во всём этом не разбиралась. Да и глупо было торговаться.

Через несколько дней в дом привезли трёх новых девушек и на моих глазах убили сразу двоих. Кажется, со мной случилась истерика, и я даже рыдала и пыталась выбежать. По счастью, на меня никто не обратил внимания. Это было ужасно, кровь забрызгала даже потолок. Потом мы убирались после вечеринки, и одна из рабынь закрашивала эти капли, стоя на стремянке. Она сказала, что привыкла к малярным работам. А третья девушка умерла от заражения крови, когда ей делали переливание.

Постепенно я втянулась в рабочие будни. Вампиры приезжали один-два раза в неделю. Мы выходили посменно, иначе никакое здоровье не выдержало бы. Нас постоянно проверял врач и пользовался нами, как хотел. У него в отделении была довольно высокая смертность и, я думаю, не без его помощи. Мне казалось, в окружающем бардаке самую большую выгоду получал именно он, но он однажды бросил в сердцах:

– С вами, тину, возиться – такая тоска!

Я поняла, что должность надсмотрщика за невзрачным товаром – как они нас называли, «людвой» – считалась у кэлюме далеко не престижной.

В Красном доме мне дали новое имя. Более опытные рабыни успели меня предупредить:

– Если спросят имя – есть у них такая шутка, чтобы девушку унижить – ты, чтобы пропустить самую неприятную часть спектакля, отвечай, что имени тебе здесь ещё не дали.

Поэтому, когда один из вампиров спросил:

– Как твоё имя, крошка? – я, подученная подругами, пролепетала помертвевшими губами:

– Мне ещё не выбрали имя, господин. Я – просто рабыня.

Уж лучше не нарываться. Да и не хотелось, чтобы в этом вертепе ко мне обращались по настоящему имени.

– Мм... Совсем без клички плохо. Неудобно. Нам, – пояснил вампир. Я молча поклонилась, коснувшись лбом пола, как меня учили. В самом деле, универсальный жест. Заполняет любую паузу.

– Будешь называться Пухлые Губки, – решил он. Меня передёрнуло. Ну и пошлость! Ему, как представителю высшей расы, могло бы прийти в голову что-нибудь поизящнее. Он рассмеялся.

– Я-то могу придумать получше, но с чего ты взяла, что ты этого заслуживаешь? – поинтересовался он.

– Простите рабыню, господин, – поспешно исправила я

своё умонастроение.

Я обслуживала клиентов, стараясь на них не смотреть, а потому не сразу узнала в одном из них того, кто похитил меня, представившись другом Влада. Он насмешливо спросил меня, как мне нравится исполнение моих желаний. Разве я не мечтала стать возлюбленной вампира? А теперь у меня столько вампиров, что не сосчитать.

«Что-то Влад не заглядывает», – хотела было дерзко ответить я, но справилась с собой; однако вампир услышал мою мысль и весело ответил:

– Мы ему предлагали! Он отказался. Сказал, что ему не нужен секонд-хэнд, – при этих словах у меня перед глазами всё поплыло от слёз. А я доверяла Владу, как себе! Я думала, мы будем счастливы вместе! – А по мне, – продолжал вампир, – так ты с самого начала была – ничего особенного. Не понимаю, зачем он тратил на тебя столько времени. От скуки, наверное.

Я взглянула на него с яростью, но он наблюдал за мной снисходительно, невозмутимо. Взять, что ли, бокал и выплеснуть ему в лицо, и будь что будет! Вампир расхохотался.

– Если будешь рыпаться, – сказал он, – создашь всем своим близким новые проблемы. Мы следили за тобой, если ты ещё не поняла. Всё о тебе знаем. Если будешь выступать, мы и сестрёнку твою сюда привезём. Как её зовут? Мила, кажется? – перед моими глазами невольно промелькнул образ моей насупленной, вечно недовольной Милки – теперь такой

далёкой! – Вот. У нас здесь найдутся ценители красоты милой Милы. Девочки в её возрасте – это особый деликатес. Сейчас у твоей мамы не хватает только одного ребёночка, а то пропадут сразу два, – он со значением посмотрел мне в лицо. До меня медленно доходил ужасный смысл его слов.

– Неужели вы никогда не отпустите меня? – пролепетала я. – Но зачем меня убивать?.. Я никому ничего не скажу!

Моего собеседника эти доводы развеселили.

– Если ты нам надоешь – мы тебя, может быть, и отпустим, – отсмеявшись, заверил он меня. – Вот только... вряд ли такое случится. Девушка ты сочная... – он провёл холёными пальцами вдоль моей щеки, потом наклонился к моему уху и сообщил соблазнительным шёпотом, подражая любовным сценам из мыльных опер: – Мы выпьем из тебя всю жизнь и выбросим твой хладный труп на помойку.

Всё внутри меня сжалось от этих слов, особенно потому, что я поняла: он сказал чистую правду. Они меня убьют.

* * *

Если я перестану слушаться или попытаюсь бежать, меня убьют и даже не заметят, – вот что угнетало больше всего. Это для них как пепел с рукава стряхнуть. Не с кем бороться, нечего доказывать. Здесь на мой счёт всё уже решено давно и бесповоротно. Они – господа, я – рабыня. Да и так ли уж они неправы?.. Если они способны подчинить меня гипно-

зом, прочесть мои мысли... Получается, я – ниже их. Духовно ниже. А что у меня в багаже? Пара модных фильмов, пара модных книг... Остальное – по списку: квартира, машина, дача... выйти замуж, родить ребёнка... Всё это казалось теперь совершенно пустым, не моим...

Эх, если бы я задумалась над такими вопросами раньше! Может, знала бы хоть какую-нибудь молитву, чтобы приструнить этих упырей. Ведь не совсем же они неуязвимые. Вон, в фольклоре на их счёт целые ритуалы прописаны. А я не верила. Думала, что люди, которые знали правду, – просто суеверные невежды. Считала вампиров гламурными красавцами из киноэпопей о бессмертной любви. Надо же быть такой душой! Зато теперь я встретила настоящих вампиров и знаю, что после укуса так болит шея, что неделю голову не повернёшь!

Как получилось, что меня смогли так унижить? За что я страдаю? Может, лучше покончить с собой? – мелькала отчаянная мысль. Но я отчётливо представляла себе, как умираю в мучениях, разочарованная во всём, – а эти твари продолжают веселиться здесь в полной безнаказанности и даже не знают, куда пропала одна из безликих невольниц, куда охранник вынес её обезображенный труп, чтобы закопать в ближайшем лесочке... Отказаться от надежды – значит добровольно отдать последнее, что у меня ещё осталось, что принадлежит мне, только мне.

Как-то раз на меня навалилась такая тоска, что я не выдержала и начала рыдать среди ночи. Хотя и знала, что это бесполезно. У девушек существовало негласное правило: не допускать приступов истерики. Потому что, распускаясь, ты и других тоже доводишь до срыва, а это чревато резким скачком смертности в заведении, только и всего. Поэтому я старалась плакать беззвучно. Но мне вдруг впервые представилось в ясном свете моё положение, я оглянулась на всё, что со мной произошло, и поняла, что у меня нет будущего. Дело даже не в том, что я никогда отсюда не выйду. Я просто не знаю, как жить дальше.

Так я лежала, не сомкнув глаз, пока меня не потормошила одна из недавно привезённых вампирами женщин, которая, видно, заметила, что я всё ворочаюсь.

– Эй, пойдём покурим... Составишь мне компанию.

Я не курила и сначала хотела притвориться, что сплю, но потом вздохнула и поднялась. Какой смысл изображать никому не ведомые духовные терзания; уж лучше развеяться – хоть посплетничать немножко.

Женщина включила на кухне свет. Она была хоть и вновь прибывшей, но опытной: её перевели из какой-то другой «закусочной». Если бы она жила наверху, то была бы, наверное, полненькой, потому что даже здесь её фигура сохраняла некоторую округлость. На вид ей было чуть за тридцать.

– Тебя как зовут? – вполголоса спросила она.

– Тамара... – машинально ответила я.

– А я Рыжая Корова... Точнее, – женщина усмехнулась, – это моё имя для работы. А раньше меня звали Ларисой...

– Вы давно к ним попали? – прошептала я. Женщина пожала плечами.

– Здесь нет часов... но давно. Наверное, года два назад. Кстати, ты не знаешь, какой сейчас наверху город?

– Москва...

– А, – равнодушно отозвалась женщина и достала дешёвую папиросу. – Меня в Омске похитили. Приехала к родственникам из деревни, вышла в магазин и не вернулась. И второй раз уже куда-то перевозят. Но ведь не видно. Наручники нацепят, мешок на голову наденут – и езжай... У меня там, – она неопределённо кивнула наверх, – две дочки остались. Близняшки. Чуть помладше тебя, – женщина едва заметно улыбнулась, – если только их тоже вот так кто-нибудь не похитил... тебе сколько лет?..

– Семнадцать, – едва шевеля губами, проговорила я. Женщина сочувственно кивнула и помахала сигаретой.

– Сколько народу за год пропадает? Тысячи. И никто не задумывается, куда. Кроме родственников. Да и те покрутятся, покрутятся по полицейским участкам и смиряются. Что ещё сделаешь?.. Я тоже не задумывалась. А вот теперь в курсе. Меня там, – она показала взглядом наверх, – наверное, уже похоронили.

Я молчала, но не смогла подавить вздох. Женщина с интересом поглядела на меня.

– Ну, а ты? Ни мужа, ни детей? Из интеллигентной семьи, небось? Карьеру строить собралась?

Я только пожала плечами. К чему теперь эти вопросы? Потом вдруг резануло воспоминание о Владе... Но открывничать с незнакомкой не хотелось. К тому же я сама ещё не ответила себе на вопрос: усомнилась ли я в нём?.. Поверила ли упырям?

– Вот что, милая, – женщина наклонилась ко мне через стол и мягко коснулась моего плеча, – выбрасывай-ка ты из головы туман и ветер. Я тебе как подруга скажу: от тебя здесь не так уж много требуется. Будешь угождать – проживёшь вполне прилично...

При этих словах я вся вспыхнула – не знаю, от чего больше: от злости или от стыда.

– Прилично?! Как вы можете... так говорить... Да здесь ужасно! Представить не могу, где может быть хуже!

Женщина задумчиво усмехнулась, не отводя глаз, словно ожидала от меня подобной вспышки. Неторопливо стряхнула пепел.

– Да? – неопределённым тоном отозвалась она. – А ты уверена, что если – допустим – выберешься отсюда, то всё будет в шоколаде? Будешь свободна и счастлива? И все тебя будут любить, так?.. Меня вот, например, – она невесело усмехнулась, – старший брат изнасиловал, как из армии вернулся.

Ему там, наверное, что-то в голове отбили, а может, его самого насиловали, ну и он меня изнасиловал. Мне тогда тринадцать лет было. И потом ещё насиловал, и запугивал меня, что расскажет всё родителям. Им скандал не нужен, они бы меня из дома выгнали, и я молчала. Потом сожитель – как сейчас принято говорить, «гражданский муж»: трезвый – ничего, а как напьётся – бьёт смертным боем. Мне швы сто раз накладывали, и на лоб, и на задницу. И без всякого вампиризма... Кругом были люди, ближние мои, хомо сапиенсы. И не Гитлеры и не Наполеоны, а так – пьянчужки, скоты...

Я слушала её рассказ, как повествование о другой планете. Я и раньше знала о таком, но всё казалось, что это далеко и никогда меня не коснётся... А теперь я поняла, что в глубине души просто считала себя выше этого. Думала, что так живут только неправильные, дурные женщины, которые не знают, как надо себя вести... и вот я сама так живу и не знаю, как себя вести. Лариса холодно взглянула на меня.

– Люди, милая моя, – такие же кровососы. Многие женщины годами насилие терпят, кто от благоверного, кто от начальника... От этих, по крайней мере, – она мотнула головой куда-то в сторону, – не заразишься и не забеременеешь. Красавцы – не то что пьяный Вася, который последний раз мылся в детстве... Здесь просто надо быть немного актрисой. Ты всё ещё зачем-то пытаешься соответствовать правилам, которым тебя учили. Хочешь остаться хорошей девочкой: перед собой, передо мной, перед упырями. Удачно выйти за-

муж, растить пригожих детишек – вот твой идеал. Но если ты честно, называя всё своими именами, вспомнишь жизнь своих знакомых, то поймёшь, что никто и никогда так не жил и не живёт. Семейное благополучие – это фикция, пшик. В лучшем случае у тебя была бы его видимость. А здесь всем плевать, хорошая ты девочка или плохая, и вообще: жива ты или умерла. Требуется одно: развлечь клиента так, чтобы и своё здоровьечко соблюсти. И тогда ты перехватываешь инициативу. То ты – жертва, а то – умелая рабыня, которую жаль потерять.

Я вздрогнула; то, как она произнесла слово «рабыня» – словно это была похвала – вызвало во мне новый приступ гнева.

– Но они же относятся к нам, как к животным! Это же невозможно терпеть! – вспылила я. – И дело тут не в гордыне! У меня душа не на месте, если я знаю, что меня в любой момент могут ударить, обругать... изувечить ради забавы! Убить, даже не глядя, не задумываясь! – у меня в глазах стояли слёзы; в памяти невольно ожили ужасные сцены оргий, которые длились, казалось, бесконечно, всю мою жизнь. Я даже не заметила, что вскочила на ноги и принялась кричать.

– Ну, ну, – с ласковой улыбкой проговорила Лариса вполголоса, – расшумелась! Девчонок перебудуишь, они-то тут при чём? – Она подмигнула мне с таким добродушием, что я, кажется, немного успокоилась: вся дрожа, села на место и закрыла лицо руками. – А теперь, когда ты прооралась, –

продолжила Лариса всё с той же иронией, – ответь сама себе: повысилась твоя безопасность от твоих тревог? – Нет. Наоборот. Упыри, как все хищники, чуют жертву. Вот ты вышла к ним – у тебя на лице написан страх. Это их раззадоривает, возбуждает. Они начинают для тебя всякие издевательства придумывать. А то ты вышла к ним весёлая, смелая. И сама такое предложила, что они варезки пораскрывали. Мужчина – он, в глубине души, хочет почувствовать себя желанным. Даже упырь. Вот и делай вид, что ты их хочешь. А ещё лучше – хотеть по-настоящему.

Я в ужасе помотала головой.

– Как вы можете такое говорить, не понимаю, – скороговоркой выпалила я, – и что в земном мире нечего терять... Да тут рассудка лишиться можно! Я вам очень сочувствую, в том, что вы говорили о вашей семье... там, наверху... Но у меня-то иначе было! И я знаю, что люди не все такие...

– Вот как? – холодно переспросила Лариса. – И что же? У тебя, может быть, отец добрый был?

– Н-нет... – слегка запнувшись, выдавила я. – Он маму бросил...

– С ребёнком на руках? – подхватила Лариса. – И часто ты его после этого видела?

Я вздохнула.

– Вот-вот. Но ты не воспринимала это как трагедию, потому что сравнивать было не с чем. Привычная обида, привычная боль... они уже не кажутся смертельными. Дальше. Бой-

френд? Прекрасный принц? Долго вы с ним встречались? Месяц? Две недели?

На меня снова нахлынули воспоминания об ужасных обвинениях упырей в адрес Влада. Если не считать Влада, я пару раз целовалась с парнями на дискотеках, и всё. Но из какого-то упрямства я возразила:

– М-мне... один парень... предлагал за него замуж выйти...

– Неужели? – перебила Лариса. – И что же помешало? Рокковые обстоятельства? А может, он и не собирался жениться?

Я молча уронила голову на руки. «И что это она так вампирский публичный дом расхваливает? Может, они её как раз за это в живых и держат? И перевозят из притона в притон...» Я уже готова была предположить за кем угодно любую подлость. К тому же каждый выживает, как умеет – разве не об этом она сама только что говорила?

– Ты, может быть, думаешь, что я тебя уговариваю, чтоб перед упырями выслужиться? – спросила Лариса, словно прочитав мои мысли не хуже самих упырей. – Очнись, милая. Плевать они на меня хотели. Они нас, людей, даже не различают. Усвой ты наконец: здесь всё происходит абсолютно случайно. Кого-то, под настроение, сразу убили, кого-то не сразу, к кому-то попривыкли и держат, но невзначай могут и убить – случайно, или если провинишься. А что происходит у тебя в душе, им без разницы, потому что, по их

понятиям, у людей вообще нет души. У них есть такое слово – альрома, точно не знаю, что оно означает, но, насколько я поняла, это по их мнению и есть душа, а у людей этого нет. Пойми, никто из них не хочет тебя как-то специально унижить и оскорбить, просто мы в их глазах ничем не отличаемся от животных. И либо ты будешь смышлёной, ручной зверушкой, либо тебя накажут.

– Но на самом-то деле я не животное! – возмутилась я.

– Да ну? Кто это решил? Ты? Или природа? Вот они читают твои мысли – а ты их можешь прочесть? Если ты им ровня – убеги от них, попробуй.

Я понурилась.

– Законы природы кажутся «естественными», только когда они тебе выгодны. А на самом деле природа жестока и несправедлива. Ты, когда говядину, курицу ела, сильно мучилась совестью? Ты ведь, я так думаю, не вегетарианка? Правильно, человеческому организму нужна белковая пища. Рыбку удила? Весело было? Знаешь, что такое спортивная рыбалка, когда рыбок сначала ловят на крючок – кто больше поймает, а потом выбрасывают обратно в речку? Отводить собачку на дрессировку в клуб приходилось? Задумывалась, как сами-то собачки там себя чувствуют? А что они могут чувствовать, правда? Не всё ли им равно, где бегать? Вот так же и кэлюме. Они не желают тебе зла, просто, по их понятиям, тебе нет разницы, с кем трахаться. Топить котят не случалось? Печальная необходимость, но... Челю-

век – царь природы. В сравнении с котятами. Ну а в сравнении с человеком упырь – царь и бог.

Им нужна кровь. Не так уж много, поэтому большинство наших более удачливых сородичей сейчас преспокойно гуляет на поверхности земли, решая свои нехитрые житейские проблемы. А нам с тобой просто не повезло.

Помолчав, Лариса снова положила руку мне на плечо. Её прикосновение действовало успокаивающе. Как ни крути, она – единственная, кто сейчас пытается меня поддержать. А следовать её советам меня, в конце концов, никто не обязывает.

– Ты не расстраивайся, Тамара. Я ведь не для того говорю, чтобы ты раскисла. А наоборот: для того, чтобы ты реально посмотрела на вещи и собралась. Ты должна беречь душевные силы – то единственное, что всегда останется с тобой. Ради этого имеет смысл поступиться всем остальным, а не наоборот: надирать душу из-за каких-то пустяков. Поверь мне, я уже многое видела, многое знаю. И утешение для меня – немного поучить вас, девчонок. Пока не поотрывали вам руки-ноги. Пока не отрезали груди, не выкололи глаза. У меня одна знакомая была – бойкая девушка, не хотела слушаться. Так вот, ей выкололи глаза, приковали к кровати и так держали для устрашения остальных девушек. Чтобы новые рабыни сразу были шёлковые, чтобы не приходилось по два раза объяснять очевидные вещи. Это ещё в Омске было, там немного другой порядок был в заведении: по од-

ной девушке в одной отдельной комнате. Там рабыня жила, там и обслуживала клиентов. Так вот, специально для новых поступлений была комната с двумя кроватями. На одной лежала девушка с выколотыми глазами, голая, вся в ранах от укусов. А на другой новая рабыня, тоже прикованная, могла лежать и поразмыслить, куда она попала и что теперь её ждёт, прежде чем к ней приходил первый клиент. И, ты знаешь, получалось очень эффективно. Здесь, говорят, тоже есть застенок, но туда отправляют только самых непонятливых. Может, и зря. Лучше, чтоб у рабыни сразу была полная картина. Вот и задай себе вопрос: как ты хочешь служить хозяевам? Раз в неделю подавая в гостиной вино, или с выколотыми глазами, прикованная к кровати? Поняла? Учись думать о реальных вещах и сама о себе заботиться. Чужое мнение, в том числе упырей, должно тебя волновать только с практической точки зрения. Вот так-то.

Я всхлипнула.

– А повеситься ты всегда успеешь, – снова словно угадав мою мысль, сказала Лариса. – Я бы сама давно повесилась, да жалко подышать вот так... даром. Пока живёшь – вроде надеешься. Может, землетрясение случится, упыри все сгорят на солнце, а мы вылезем из-под обломков? А может, отпустят... Говорят, такие случаи были... хотя брешут, наверное. Что называется: городские легенды...

* * *

Но всё же моё положение было мне невыносимо тяжело. Я пыталась внушить себе всё, что слышала от других, более опытных рабынь, так сказать, абстрагироваться от своих чувств. Ну насилуют и насилуют, подумаешь. Но такое отношение просто невозможно было принять душой. Каждый раз, когда мне приходилось выходить в гостиную, у меня было такое чувство, как будто меня помоями облили.

Видимо, в голове у меня что-то переклинило. Наверное, я и в самом деле почувствовала себя животным. Потому что однажды, когда один из клиентов меня рассеянно тискал, водя пальцами по моему лицу, я вдруг неожиданно для самой себя наклонила голову и вцепилась ему зубами в руку с такой силой, какой сама от себя не ожидала. Я почувствовала, что, как бульдог, просто не могу разжать челюсти. Вампир стал орать, чтобы я его отпустила, а потом пинать меня, таская за собой по полу, но у меня как будто пропала ко всему чувствительность. Наконец он сообразил превратиться в туман и таким образом выскользнул. Я почувствовала во рту вкус крови – его, выходит, крови. Вот и отлично. Хоть на одно мгновение я донесла до него, как мы, «низшая раса», себя здесь чувствуем.

– Блин! Она бешеная, что ли? Куда смотрит Роман, почему в зал выпускают бешеных животных? – искренне возмущался «пострадавший».

– Пухлые Губки – острые зубки, – сказал кто-то, и все за-

смеялись.

– Ёлки-палки, – ответил вампир, уселся на место и вытянул руку перед собой. Одно мгновение – и следы от укуса исчезли, словно растаяли.

– А ты закуси её кровью, – остроумно предложил ещё кто-то. Вампир вспомнил обо мне и посмотрел на меня с упрёком.

– Эй ты, шлюха. Если ты извинишься, я не оторву тебе твою пустую башку.

Я поразмыслила, а потом вдруг рассмеялась, расслабленно откинулась назад, опираясь на руки, и дружелюбно взглянула на вампира.

– Поцелуй меня в задницу, – чистосердечно ответила я. Раньше я не смогла бы даже подумать про себя такую фразу, а сейчас как само собой прозвучало.

Вампиры переглянулись, и выражение лиц у них при этом было, как у человека, который внезапно обнаружил, что у него течёт унитаз, или ещё какая-нибудь бытовая неприятность в этом роде.

– Ну что, кто займётся? – с улыбкой спросил один из них.

– Я – пас, – сразу сказал «пострадавший», махнул другой девушке, чтобы она плеснула ему вина, и, по-моему, сразу забыл обо мне. – Мне через час надо у Лиды быть.

– Ладно, я займусь, – вызвался другой – высокий стройный брюнет, в данный момент полураздетый. Он лениво подошёл и встал надо мной. – Встала, – обронил он тоном че-

ловека, которому приходится выполнять скучную работу. Я не двинулась с места. – Встала, пошла, – повторил он. Я поднялась. Пусть делают со мной, что хотят.

Он молча вывел меня из гостиной и, к моему удивлению, толкнул меня в лифт, где нажал кнопку нижнего этажа.

Мы приехали в сырой подвал. Как только двери лифта раскрылись, меня обволок густой, жуткий запах – помесь гноя и нечистот. Казалось, таким воздухом невозможно дышать. Я упорно смотрела в пол, но видела краем глаза ряды железных кроватей, слышала глухие стоны. Вампир провёл меня к свободной койке. На спинке у неё висели наручники, и он меня приковал.

«Ей выкололи глаза, приковали к кровати...» – всплыло в памяти предупреждение Ларисы; но у меня словно всё оцепенело в душе. Рано или поздно это должно было случиться.

Тогда я ещё не знала, что не всех девушек оставляли в застенке. Некоторых приводили туда, просто чтобы попугать – небольшое дисциплинарное взыскание. Расторопных и, в общем-то, послушных рабынь старались не калечить. Я была из их числа.

Вампир начал заталкивать мне в рот кляп, и я вздрогнула. Опять этот кляп. Мне вспомнилась ночь моего первого изнасилования. Что он будет делать? Наверное, отрежет мне что-нибудь, раз не хочет, чтобы я визжала. Он достал нож.

И неторопливо, словно открывал консервную банку, разрезал мне кожу на груди. Я невольно застонала. Было очень

больно. Он наклонился и слизал кровь. Потом примерился, пощекотал меня кончиком лезвия, как бы прикидывая, куда его воткнуть, и полоснул меня по животу – не настолько глубоко, чтобы задеть жизненно важные органы, но достаточно сильно, чтобы кровь полилась ручьём.

Впоследствии я узнала, что это у них называется «открыть упаковку» – в том смысле, что кровь слизывают с тела жертвы, а не высасывают из вен. Такая лёгкая форма наказания, ну или просто развлечение для господ. В течение нескольких часов он кромсал меня ножом и изрезал всё тело. Потом ушёл.

Невозможно передать, как я мучилась. Всё тело словно горело в огне. Я давилась слезами, пока мне не показалось, что я сейчас задохнусь. Господи, только бы умереть поскорее! Но от таких ран не умирают. По существу, это были царапины.

Я избегала смотреть по сторонам, но когда всё-таки огляделась, увидела то, чего боялась. У девушки на соседней койке были отрезаны ноги по колено. Другая лежала вся в каких-то синих пятнах. Как потом оказалось, у неё был сломан позвоночник. Сколько они здесь лежат? Месяц, полгода? Сколько в таком состоянии можно протянуть?

А что сделают со мной?.. Раз не покалечили, значит, ещё вернутся. Хоть бы убили поскорей!.. Я уткнулась лицом в жутко грязную, вонючую подушку. Мои мучения только начинались.

Позже, вспоминая застенок, я испытывала странное чувство радости. Честно говоря, мне повезло. Не так уж, в сущности, меня и мучили. Я больше страдала от собственных страхов, от неизвестности. А фактически меня всего только несколько недель резали ножом, ну и насиловали иногда – в общем, ничего особенного. Труднее всего было постоянно дышать затхлым, спёртым воздухом, поскольку естественную нужду всем, кто мог двигаться, приходилось справлять прямо на пол. Раз в день приходил охранник, мыл пол струёй воды из шланга, кормил нас и под настроение пытал, что называется, для профилактики. И ещё было трудно почти всё время лежать неподвижно в одной и той же позе, потому что с руками, прикованными к спинке кровати, не очень-то раз-вернёшься.

Сейчас понятно, что всё это, в принципе, не так уж трудно было перенести, но тогда я чуть не сошла с ума. Дни тянулись бесконечно. Я не могла понять, чего от меня хотят. Я готовилась к смерти, но меня всё не убивали и не убивали. Наоборот, врач время от времени протирал моё тело спиртом. Я думала, что он просто хочет помучить меня, но, видимо, он делал это для дезинфекции. Каждый раз, когда приходил кто-то из клиентов, я ждала, что меня начнут калечить всерьёз, тем более что они интересовались, как я им порекомендую, например, свою ножку – в отдельном виде или так, и говорили, что такие хорошенькие пальчики в приличных ресторанах идут со сливками по десять рублей штука.

Как мне теперь было жалко своё тело! Зачем я обрекла себя на эти мучения? Что, кому я хотела доказать? Объективно высшим существам, что они не должны меня пытаться? Хорошо, ну а если они не согласны со мной в этом вопросе? Что я, переубедила их своим неповиновением? – Нет! Я только укрепила их во мнении обо мне как о безмозглом животном! Если бы я вела себя благоразумнее, то и хозяева были бы снисходительнее. Ведь как просто!

Как я теперь тосковала по просторным, уютным комнатам, в которых жила вместе с другими девушками... Господи, да мы были там почти свободны! Сами себе хозяйки, за исключением одного вечера в неделю, а то и в две, если врач напишет освобождение – так что укусы хозяев тоже имели свой плюс... Хочешь – готовь, хочешь – читай, хочешь – болтай с подругами. Даже гимнастикой можно было заниматься. Чего бы я сейчас не отдала, чтобы размяться, вдохнуть чистого воздуха!.. Только не ноги и не пальцы, конечно...

Я с отчаянием вспоминала то, что мне с самого начала твердили Лариса, «Шоколадка». Правда, Ларису куда-то увезли, и больше она не возвращалась, а «Шоколадка» умерла от заражения крови после очередного переливания (а может, врач её убил). Но как правы они были, как добры ко мне, предупреждая, пытаясь вразумить!.. А я пропускала всё мимо ушей. Мне казалось, что они надо мной чуть ли не издеваются, в душу плюют, разрушая мои бредовые понятия

о добром, справедливом мире, где я рождена для счастья с прекрасным принцем! Как там сказала Лариса: «Лучше, чтобы у рабыни сразу была полная картина, а здесь отправляют в застенки только самых непонятливых». Вот уж, действительно, про меня! Ну, чужая голова!

Моя проблема была в том, что я не хотела замечать реальные ценности, по-настоящему важные вещи. А правда была прямо перед носом: угождай хозяевам. Чем больше понравишься хозяевам, тем спокойнее и лучше будешь жить (за исключением несчастных случаев, от которых и на поверхности никто не застрахован). Не нужно никаких доказательств, объяснений. Простой и несомненный факт, реально действующий закон. Всё остальное – болтовня.

Теперь у меня словно глаза открылись. Какой радостной мне теперь показалась бы возможность услужить хозяевам, заглазить свою вину! Разве они хотели меня обидеть? Они просто вели себя так, как привыкли, как по их понятиям было правильно. Если меня что-то не устраивает – тихо повесилась бы в своей комнате, и всё. А я пыталась продемонстрировать, что я им равня, хотя давно уже очевидно, что это не так. От меня требовалось всего лишь качественное обслуживание, а я на пустом месте устроила себе неразрешимую проблему!

Но теперь на снисхождение не стоило и рассчитывать. Там, наверху, достаточно таких же, как я, которые еще не выбросили свою жизнь на помойку. Вакантных мест нет, сюда,

в застенков, отправляют доживать.

Но, может, попросить? – постучалась робкая мысль. Руки-ноги у меня пока целы, может, сжалятся?.. Снова заслужить расположение хозяев представлялось мне теперь несбыточной мечтой. Господи, если мне удастся вернуться в гостиную, я, наверное, буду танцевать от радости!.. Уж конечно, я воспользуюсь любым случаем, лишь бы хозяева остались мной довольны!

Мысли у меня впервые за несколько недель пыток прояснились. Вот же, всё ясно! Такой простой выход отсюда, а я его не замечала!

Но теперь следовало подольститься к хозяевам. Вдруг за просьбу об освобождении меня наконец покалечат по-настоящему? Может, они только этого и ждут, чтобы поиздеваться. Да, на рабынь не обращали особого внимания, но дело в том, что пытки вовсе не требовали от хозяев каких-то специальных усилий, так что и признаком особого внимания не были. Возьмут и отрежут язык, чтоб не болтала лишнего?

Однако всё обошлось. Я решила обратиться к периодически проверявшему нас врачу, который здесь, как я успела понять, был вроде надсмотрщика. Не смея раскрыть рта и опустив глаза, я всё-таки мысленно взмолилась к нему, когда он появился: «Прости рабыню, господин!»

Он взглянул на меня равнодушно.

– Ты что-то хочешь сказать?

– Прости рабыню, господин, – поспешно повторила я. –

Я виновата.

Он усмехнулся, смерил меня оценивающим взглядом – видимо, проверял мои мысли, так как тело у меня было, мягко говоря, не в лучшем виде.

– Что, надоело тебе тут?

Я вздохнула. Что тут можно было ответить? Я заслужила это наказание.

– Позволь мне снова служить тебе, господин, – снова начала клянчить я. – Я раскаиваюсь.

Он безразлично усмехнулся, подойдя ближе, и взял со специального столика с инструментами хорошо знакомый мне нож. Небрежно помахал им в воздухе. Всё, сейчас убьёт!

– Ну и как же это ты собираешься мне служить? – с любопытством поинтересовался он.

– Как будет угодно господину, – заверила я. Он задумчиво посмотрел на лезвие.

– А если мне угодно выебать тебя вот этим ножом?..

Риторический вопрос!

Я улыбнулась.

– Рабыня доставит господину гораздо больше удовольствия другим способом.

* * *

Так я вернулась к своим обязанностям. Девчонки – те, что не успели смениться за несколько недель и помнили ме-

ня – встретили моё «воскрешение из мёртвых» с бурным энтузиазмом. Я радостно всех расцеловала. Голова кружилась от счастья. О застенке я сразу отмела все разговоры:

– Я глупо себя вела и получила то, что заслужила. Всё, не будем больше об этом. Побегу в душ.

– Ты ужасно выглядишь...

– Господи, я так счастлива!..

Я с невыразимым наслаждением вымылась, осторожно касаясь ран губкой, расчесала наконец волосы. Кровавые узоры разукрашивали теперь всё моё тело, как сетка, но ничего, будем надеяться, хозяев это не оттолкнёт. Они и без шрамов считали нас не очень-то красивыми. Правда, кожа теперь уже не такая гладкая... Придётся восполнять услужливостью. Я попросила у наших портних длинную, не слишком прозрачную накидку. На досуге девушки развлекались тем, что сами придумывали и шили себе «выходные костюмы», тем более что клиенты нередко рвали на нас одежду, так что требовались обновления. Среди рабынь ходила страшная легенда, что как-то раз одна девушка, за промежуток между телепатическими проверками, вышила небольшую икону и тем самым подвела под монастырь своих соседок: при обыске убили всех, кто находился в комнате. На следующий вечер я вышла в гостиную и была само послушание.

* * *

Теперь я жалела, что раньше даже не пыталась понравиться хозяевам в сексе. Лежала, как бревно, делала ровно то, что прикажут. Как меня ещё не прихлопнули, ума не приложу. Впрочем, основные обязанности более-менее вышколенных рабынь состояли всё-таки в том, чтобы прислуживать за столом, а потом убираться в зале после вечеринки. Некоторых наиболее послушных девушек даже выпускали наверх, в дом, чтобы наводить порядок в других комнатах, но я, дура, ни разу даже не подумала о том, чтобы попытаться попасть в их число. А ведь там можно было посмотреть в окно, даже увидеть солнце! Как мне говорили, стёкла в доме были бронированные, не выбьешь, так что девушек иногда выпускали убираться днём, естественно, заперев двери. Так только, телепатически следил из подвала охранник, а в остальном — полная свобода. Как будто почти совсем нормальная жизнь!

Единственной моей проблемой был страх перед повторением пыток. Всё-таки я не могла расслабиться, когда били плёткой, кусали. Даже связывания боялась. У меня от него ужасно затекали руки, и всё время мучила мысль: а вдруг отнимутся насовсем? Какая-нибудь гангрена начнётся? Заразиться венерическими болезнями от вампиров, может, и нельзя, но вот постоянные переливания крови здоровья не прибавляли. Постепенно избежать боли стало моей навязчивой идеей. Я готова была стелиться перед хозяевами мягким шёлком, лишь бы не пытали и не пили кровь. По сравнению с кровопотерей сексуальные разминки представлялись

сущей ерундой. Как же хорошо, когда голова ясная, тело подвижное, и не тошнит всё время!

Под воздействием этих соображений я взглянула на хозяев совершенно по-новому. Теперь они представлялись мне очаровательными, фантастическими. И что мне мешало раньше оценить всю прелесть моего положения? Ведь о таких красивых, раскованных любовниках мечтает любая женщина! Они и правда превосходили нас, людей. Они словно состояли из какой-то другой, более утончённой материи. Их кожа будто светилась изнутри, прикосновения вызывали ощущение лёгкой прохлады и оцепенения, в них было что-то потустороннее. Они были загадочными, высшими существами. Служить им, любить их, наслаждаться их божественной красотой было радостью.

Со временем я начала ловить себя на мысли, что мне немного обидно их равнодушие. Мы здесь наизнанку выворачиваемся, а они едва благоволят взглянуть в нашу сторону. Однажды я не выдержала и, забывшись, бросила хозяину упрёк:

– Разве со своими женщинами вы тоже так обращаетесь? Чем мы хуже?

Я думала, он меня ударит, просто чтоб замолчала, но он ответил неожиданно серьёзно:

– Наши женщины – богини. Ни одна из вас не может сравниться с женщиной-кэлюме. Любой мужчина нашей расы будет счастлив до потери сознания, если только его госпожа

позволит ему поцеловать край её платья. Вы умеете только ноги раздвигать. Женщина-кэлюме способна подарить высшее наслаждение, о котором вы не имеете ни малейшего представления.

Признаться, горячность вампира, обычно такого надменного и равнодушного, поразила меня. Что он мог иметь в виду? О каком «высшем наслаждении» говорил?.. В моём понимании, любой мужчина, будь он хоть трижды бессмертный, говоря о «высшем наслаждении», мог подразумевать только одно: секс. Для особо привередливых – какой-нибудь особо изощрённый секс. Но у нас... Какого только секса они не получали! «Выше» уж просто некуда, фантазии не хватит! Впрочем, он так и сказал: «не имеете представления»...

И всё же я не совсем поверила упырю, пока однажды, по воле случая, не получила возможность убедиться в правдивости его слов.

* * *

Шёл обычный вечер. Я спокойно прислуживала за столом, чувствуя себя вполне сносно: меня уже давно никто не кусал. Одна из девушек, Оксана (по прозвищу «Семь Покрывал»), танцевала на столе – когда она жила среди людей, то работала стриптизёршей. Клиентов было немного, а прислуги – хоть отбавляй: самое полезное для человеческого здоровья сочетание. Веселье только набирало обороты, ещё никто ни-

кого всерьёз не бил и не пытал, хотя многие уже почти разделись, как вдруг дверь распахнулась, и на пороге появилась вампирская женщина.

Я, конечно, заметила её не сразу. Собственно, я заметила её по реакции господ. Пока она неторопливым, прогулочным шагом шла через комнату, мужчины, которые видели её, независимо от того, кто чем занимался, бросали всё и совершенно непринуждённым, привычным движением опустились на одно колено, а потом провожали её взглядом, который я, зная их меньше, назвала бы «обожаящим».

Я, наконец увидев её, растерялась и хотела было тоже встать на колени, но одна из рабынь метнулась мимо меня в угол комнаты и, схватив меня за руку, уволокла туда же. Возле стены сгрудились и остальные девушки. Я поняла, что в присутствии высокой гостьи шлюхам полагается «убраться с глаз».

Женщина между тем остановилась напротив одного из хозяев, небрежно поигрывая тяжёлой плёткой. Это была поистине ослепительная красавица, высокая, с изящным, сильным телом, гордым лицом, которое источало сияние, как луна; её ястребиные глаза с горячим золотым отблеском, казалось, переворачивали всю душу. Гостья с притворным разочарованием покачала головой.

– Алик, подумать только... – протянула она обволакивающим, как мёд, голосом. – А ромеи Мила тебя повсюду ищет... в рабочем кабинете... в архиве... – с преувели-

ченной серьёзностью перечислила она; со стороны остальных мужчин послышались смешки. – Госпожа так обеспокоена, что посылает на поиски меня, – она указала на свою едва прикрытую полупрозрачной багряной тканью грудь таким жестом, словно была Жар-птицей, которую заставили ловить Ивана-дурака. – И где я нахожу тебя? В этом свинарнике... Через двадцать минут после начала совещания, которое, к слову сказать...

Тут мужчина, словно что-то вспомнив, в ужасе хлопнул себя по лбу.

– ...было перенесено сегодня на два часа, – победно закончила посланница высших сил, в то время как её собеседник, вскочив, начал быстро застёгивать рубашку.

– Я ещё успею, – заверил он гостью. – Только не бей меня! – взмолился он, заметив её угрожающий жест, и улизнул за дверь.

Эффектно завершившая свою миссию незнакомка снисходительно усмехнулась и лениво прошествовала к свободному дивану. Никто не смел нарушить молчание. Подумав, она сняла элегантные чёрные туфли, откинулась на тугую кожаную спинку и забросила босые перламутровые ступни на стол. Затем перевела мерцающий взор на рабынь. Я не знала, что делать, но более опытные девушки рухнули на колени и коснулись лбом пола; я последовала их примеру.

– Встали. В шеренгу, – негромко скомандовала красавица. Мы построились, как нас учила на досуге Оксана; на-

до признать, мужчины обычно не требовали от нас выстроиться в шеренгу, зато теперь наука пригодилась. Женщина с неуловимой улыбкой разглядывала нас из-под полуприкрытых век.

– Ты, – она вдруг указала рукоятью плётки на меня. – Подойди-ка сюда.

Я, поколебавшись, подбежала к ней и на всякий случай снова опустилась на колени. Не требуется ли от меня ещё каких-то церемоний?.. Женщина, подняв мой подбородок всё той же рукоятью плётки, с интересом рассматривала моё лицо.

– Как тебя зовут, малышка?..

– Пухлые Губки, – прошептала я. Гостья рассмеялась мелодичным холодным смехом.

– Ни ума ни фантазии, – обратилась она к присутствующим в зале мужчинам, видимо, имея в виду прозвище, которым меня здесь наградили. Потом небрежными жестами начала стягивать с себя наполовину газовый, наполовину шёлковый наряд, на котором сверкали драгоценные камни, как брызги чёрного водопада.

– Так и быть, – протянула она, – избавлю тебя на пару недель от общества этих остолопов. У вас наверху пыль слоями лежит, – снова обратилась она к мужчинам, – как альпийские снега. Удивляюсь, как моль ещё не съела всю мебель. Ты, – она ткнула плёткой меня в грудь, – если сумеешь доставить мне удовольствие – возьмишь на себя генеральную

уборку. Завидуйте, мальчики! – обратилась она к мужчинам, среди которых при виде её сверкающего, как мрамор, обнажённого тела пробежал восторженный вздох. Я беспомощно оглянулась.

Как мне хотелось плюнуть сейчас в это надменное, раскрашенное, как карнавальная маска, лицо! Какое отвращение во мне вызывали все упыри с их бесчеловечной, извращённой сущностью – сейчас больше, чем когда-либо!

Но я не смела послушаться. Если уж обычные клиенты повергали рабынь в трепет, то эта, видно, и вовсе птица высокого полёта. Правда, судя по её словам, среди вампирских женщин она занимала не такой уж высокий пост, раз её посылали по мелким поручениям, но очевидно было и другое: для вампиров-мужчин она – как радуга, спустившаяся с неба. О том, чтобы отказаться, не могло быть и речи. А если я понравлюсь... Кто знает, может, она и правда устроит мне двухнедельный выходной? Ради такого стоило постараться!

Преодолевая отвращение, я начала с того, что поцеловала её ноги – беспроигрышный вариант, если не знаешь, что делать. Я никогда в жизни даже не думала о том, чтобы ласкать женщину. Теперь я лихорадочно вспоминала советы для мужчин, которые видела когда-то в молодёжных журналах, но вспоминался почему-то только общий смысл: фокус с тем, чтобы представить себе, что это как бы мужчина, здесь не пройдёт! У мужчин эротические ощущения сосредоточены на половом члене, а женщины... гораздо более приверед-

ливы!.. Блин... Мысленно вздохнув, я принялась ласкать её тело своими длинными волосами – по крайней мере, на мужчин этот трюк производил определённое впечатление – и для пущего эффекта решила польстить:

– У госпожи такая дивная, гладкая кожа, как лепестки цветов, – проворковала я; по счастью, голосом я научилась владеть профессионально, и какую бы пошлятину ни приходилось произносить, всё звучало достаточно непринуждённо. Женщина звонко рассмеялась; я заметила краем глаза, что мужчины столпились вокруг нас и жадно наблюдают. Похоже, мне грозило стать героиней вечера, и бог весть, чем это могло закончиться. На моей памяти, у большинства эффектных шоу был летальный финал. Поэтому – помирать, так с музыкой! – я решила сыграть свою роль как можно лучше.

* * *

Визит вампирской незнакомки действительно закончился летальным исходом, только не для меня. Признаться, я вспоминала этот странный вечер со смешанными чувствами. Сама я, по собственной доброй воле, никогда не согласилась бы подобное повторить. И всё же, заглядывая внимательно в свою душу, я вынуждена была признать, что в основном просто-напросто стеснялась сравнения с другой женщиной. Я боялась показаться на её фоне недостаточно кра-

сивой, умелой, чувственной... А когда я заметила энтузиазм мужчин, я почувствовала себя увереннее. Я даже ощутила себя, на время, как бы ровней той, другой женщине, которую они так желали. Да, они добивались её, а я нет, но ведь выбрала-то она меня! Глупое рассуждение, но мне почему-то было приятно. Если бы я могла стать такой, как госпожа, все эти упыри пресмыкались бы у моих ног.

Честно говоря, именно реакция мужчин произвела на меня шокирующее впечатление... Они буквально впали в экстаз и чуть не стонали от удовольствия, пожирая глазами свою госпожу, хотя вряд ли причиной этого были наши эротические упражнения. Они протягивали руки, чтобы коснуться её тела, и умоляли:

- Светочка, давай лучше я тебя развлеку!
- Хочешь, я буду твоим рабом!
- Я буду твоей рабыней! Хочешь, ошейник надену!

«Светочка» смеялась и отпихивала наиболее назойливых кавалеров босой ступнёй или рукояткой плётки, которую так и не выпустила из рук.

Именно тогда я отчётливо поняла, что женщины-кэлюме в самом деле имеют над своими мужчинами какую-то мистическую власть. Признаться, мне даже было любопытно, чем закончится это всеобщее беснование. Может быть, она, вдоволь раздразив их, всё же снизойдёт к их мольбам, и я наконец увижу, что за таинственную близость вампиры называют «высшим наслаждением»? Самой-то мне гостья, как

нетрудно догадаться, никакого такого особенного наслаждения не доставила. Но, может быть, это оттого, что я не кэлюме? Может, будь я вампиром, всё ощущалось бы иначе?..

В любом случае, незнакомка осталась верна своему первоначальному плану и, достаточно высоко оценив мои старания, велела проводить меня в верхние комнаты. Целых две недели я провела в блаженных хозяйственных заботах и полной безопасности, размышляя о ночи безумств, а когда вернулась в подвал, не нашла почти никого из прежних знакомых: мужчины, осатанев от выходки госпожи, перебили в ту ночь всех прислуживавших им девушек.

* * *

Между рабынями существовало негласное правило: никогда не обвинять в несчастье своих подруг. Все знали, что воля земной женщины для кэлюме – ничто; с ними невозможно было интриговать, на них невозможно было повлиять. Поэтому, что бы ни случилось, рабыни придерживались правила: «Такова воля господ. На месте убитой (или покалеченной, или вынужденной выполнять какой-то особенно неприятный приказ) могла быть любая из нас». Всё, что делали кэлюме, мы воспринимали как стихию, с которой бесполезно спорить.

И всё же тяжёлая атмосфера утраты ощущалась. Меня не упрекали, но наверняка многие задавали себе вопрос:

«Почему ей повезло, а остальным – нет? Почему именно ей?» В очередной раз в душу закрадывался луч опасной надежды: что, если всё-таки есть способ... как-то отсюда вырваться? Найти более престижное место? Понравиться кому надо? – От таких вопросов один шаг до мысли, которая для многих стала последней: что, если можно обмануть кэлюме и сбежать?..

А тут ещё целая орава новеньких девушек. Теперь я прекрасно понимала своих покойных подруг, которые тратили собственные силы и время на то, чтобы уговорить и утешить соседок. Все и так устали, нервы – на пределе. Так не хотелось лишних скандалов, лишних истерик – а потом, с неизбежностью, и лишних жертв, и опять всё по новой... Поэтому я, чувствуя вину за погибших подруг, чтобы отвлечься от грустных размышлений, принялась с удвоенной силой объяснять девушкам их новый этикет, попутно ещё приукрашивая от себя:

– Их свои женщины ногами топчут. А они от этого балдеют. Поэтому и вы должны стараться быть похожими на вампирш. Знаете, как говорят: женщина-вамп! То есть не наглеть, конечно. Приказы исполнять беспрекословно. Просто держаться посмелее. К работе подходить с фантазией. А не трястись, как овцы. Захотят убить – по-любому убьют, никого вы здесь не разжалобите и никто вам не поможет. Даже рабыни-подруги не помогут, потому что не посмеют. Чтобы не сделать ещё хуже. Так что, если весело

проведёте последние дни, хоть помирать не так обидно будет. У вас есть прекрасная возможность забыть про все комплексы и окунуться в немыслимый разврат! Так, выстроились в шеренгу, как по нитке! Вы прекрасны! По команде – на колени, все как одна! Головы не поднимать, пока хозяин не скажет! Это что за спина? Ты что – конспект переписываешь, грядки копаешь? Спина прямая, как струна! Ты – соблазнительная женщина! До тех пор, пока хозяин не захочет видеть перед собой дурнушку... А вы как думали? Надо играть! Ну-ка, побледнели, задрожали! Вы напуганы, унижены... Вы умоляете своего властелина пощадить вас! Вы не сомневаетесь в его полной власти над вами! Рыдаем! Отчаяние! А вот у хозяина сменилось настроение... Он отвлёкся – может, с друзьями о важных вещах говорит, или с женой по телефону... Держим паузу... Наблюдаем. И вот мы снова расцвели! Слёзы высохли, как роса! Мы снова жизнерадостны, беспечны. Мы смеемся. Я сказала, смеёмся! Так, смеёмся ровно полминуты, я начала отсчёт. Это тренировка! ...Закончили. А теперь кокетливо дерзим и упрекаем... С фантазией, девочки! Надо играть!

* * *

Чтобы развлечься, я начала подумывать о каком-нибудь хобби. Более опытные рабыни, в отличие от глупой меня, не валялись на кровати целыми днями, ожидая приезда гос-

под. Некоторые шили, красиво вышивали (не иконы, конечно; так, что-нибудь нейтральное). Другие выращивали цветы. Учились петь, играть на гитаре (кто-то выпросил у хозяев инструмент, светлая ей память). Шахматы у нас тоже были, целых два набора. Одна девушка, по прежней профессии художница, украсила стены замечательными картинами. Вот и осталось от неё что-то на радость другим людям прежде, чем её убили в процессе группового изнасилования – случайно, в общем-то, убили, наверное, были не в настроении (я в тот вечер не дежурила). Почему бы и мне не подумать о каком-нибудь полезном занятии?

Признаться, в школьном возрасте я пыталась сочинять стихи. О любви, как и все романтически настроенные девчонки. Но материала было ноль, так что мой творческий порыв быстро выдохся. Зато теперь материал появился! Шутка ли, целый публичный дом вампиров!

Однажды я просто взяла лист бумаги, и слова потекли сами собой. Я писала и писала что-то о мистическом экстазе потусторонней любви. Через пару дней, сидя в гостиной, я невольно задумалась, наблюдая за хозяевами. Я решила сочинить что-нибудь про этот вечер – всё равно прислуживала я уже на автомате, так что голову можно было чем-нибудь занять. Я любовалась фигурой ближайшего ко мне гостя, пытаюсь подобрать эпитеты, как вдруг он обернулся и посмотрел на меня – наверное, услышал. Я невольно улыбнулась и потупилась. Он подозвал меня, лениво потискал. Потом взял

со стола бокал и протянул мне. Я послушно сделала глоток. Хозяйева иногда угощали нас, но это считалось знаком расположения, своего рода поощрением.

– Нравится? – негромко поинтересовался он. Признаться, мне скорее нравился он сам.

– Рабыню опьяняет милость и любовь её господина, – искренне ответила я. Я решилась произнести слово «любовь», поскольку не сомневалась, что он поймёт: я, конечно, имела в виду не душевную привязанность, а то, что от рабыни только и можно получить.

– Что это ты там думала про себя?

– Я думала, какое счастье для обычной земной девушки – служить неземным мужчинам, – улыбнулась я.

– Неужели?

– Глаза у господ – как огненная река, – легкомысленно процитировала я что-то из своих мечтаний, – душа, как снежная буря, а кровь принца ночи – это кровь сотни львов.

Странно, но он смотрел куда-то поверх моей головы, причем так, словно что-то там разглядывал. Потом опустил взгляд на моё лицо. Задумчиво подтянул меня к себе, лизнул в шею. Я замерла. Конечно, я внушала себе, что укус – это особое наслаждение. Ведь приятно сознавать, что, получая от хозяина удовольствие, ты в то же время доставляешь удовольствие ему. Но уж очень это было болезненно. Он вдруг отстранился.

– Я не буду тратить твою кровь... В тебе есть что-то осо-

бенное. Тебя приятно слушать, – он провёл пальцами по моим губам.

После этого случая я неожиданно обрела определённую популярность, а именно: в свой следующий визит тот самый вампир не только узнал меня, но и порекомендовал своему приятелю.

– Скажи ему то, что говорила мне тогда.

– Если господа позволят, я могу прочитать стихи, – скромно предложила я.

– Да хоть как, только говори, – нетерпеливо перебил он.

Я сосредоточилась, пытаюсь припомнить что-нибудь из недавно написанного, и вдруг начала импровизировать. Прежде я и представить себе не могла, как это так: на ходу сочинять стихи. Но сейчас слова словно сами складывались в строчки. У меня как будто раскрылась черепная коробка, и сверху шла какая-то волна. Я совершенно забыла, где нахожусь, полностью погрузившись в ритм стихов.

Когда я закончила, они были словно в трансе, а потом, очнувшись, взглянули на меня странно – горящими глазами. Я никогда не замечала, чтобы кэлюме смотрели так на рабынь. Один из них поднял руку, словно под гипнозом, и начал задумчиво гладить моё тело, как будто впервые увидел. Я застыла. Отточенная интуиция рабыни подсказывала мне, что это не приглашение к сексу.

– Неплохо, да? – усмехнулся первый вампир.

– Похоже на... альрома, – задумчиво заметил второй та-

ким тоном, словно сравнивал меня ни много ни мало с радугой или звездой.

Альрома... знакомое слово... Я вспомнила, что слышала его от Ларисы: «по их мнению, это и есть душа, а у людей этого нет». Чувствуя, что хозяева настроены благосклонно, я не удержалась:

– Можно рабыне спросить? – я коснулась лбом пола.

– Говори.

– Что такое альрома, господин?

Первый вампир усмехнулся, а второй ущипнул меня за грудь.

– Ты не поймёшь, сучка, – дружелюбно пояснил он.

– Да, хозяин, – смирилась я.

* * *

Однако моя «популярность» продолжала приносить непонятные плоды. Как-то раз в гостиной появился вампир, который, хотя внешне выглядел немногим старше других, но по манерам заметно отличался от молодого бесшабашного любителя лёгких развлечений. Он был одет в строгий тёмный костюм (который так и не снял) и, вероятно, занимал среди своих сородичей солидный пост, потому что явно считал ниже своего достоинства находиться в таком свинарнике, как Красный дом. Один из вампиров подозвал меня и показал ему.

– Вот рабыня, которую можно было бы перевести в «Новую Луну».

Незнакомец скользнул по мне неприязненным взглядом.

– Выглядит, как невеста Франкенштейна, – заметил он, видимо, подразумевая мои шрамы.

– Мысли приятные, – улыбнулся молодой. «Тёмный костюм» вместо ответа брезгливо огляделся по сторонам.

– Ну и бардак. Как ты здесь работаешь, сын, не понимаю? Никаких условий.

– Да нам просто иногда негде больше перекусить, – оправдывающимся тоном пояснил молодой. – Самому по городу шастать нет времени.

– Надо попросить ромеи Милу прикрыть этот вертеп.

– Да просили уже, и не раз. Такова политика клана. Они не хотят, чтобы мы чувствовали себя слишком вольготно.

Незнакомец пожал плечами.

– Разве ромеи не держат у себя в резиденции какие-то... запасы...

– Держат, конечно, но не будем же мы к ним как в столовую ходить? – искренне удивился молодой. «Тёмный костюм» неодобрительно покачал головой.

– Москва – жуткая дыра, – резюмировал он.

– Да уж, не Чейте, – вздохнул молодой. – Так что насчёт рабыни?

Незнакомец равнодушно отмахнулся.

– Переводи, если хочешь, а ещё лучше – сам переведись

отсюда как можно скорее, – ответил он. Я не поняла из этого разговора и половины слов. Однако он имел к моей судьбе непосредственное отношение.

* * *

На следующий день за мной пришёл охранник.

– Эй ты, Пухлые Губки. На выход.

Девушки испуганно опустили головы. Клиентов в доме не было, для чего я могла понадобиться?.. Я поспешно побежала к охраннику. Он, крепко взяв меня за локоть, повёл меня в лифт, поднял на первый этаж, раскрыл входную дверь, и совершенно неожиданно я оказалась на ночной улице. Возле крыльца стояла машина, в которую охранник, пригнув мою голову, меня втолкнул и захлопнул дверцу. За окнами потекли огни городских улиц.

Бесконечно долгие ночи я мечтала вырваться из этих страшных стен, которые, как я давно привыкла думать, станут моей могилой. А освобождение произошло так внезапно, что я, выйдя за порог, не успела даже оглянуться по сторонам, чтобы сказать последнее «прости». Больше я никогда не видела Красный дом.

2.2. Новая Луна

Меня привезли в какое-то обширное домовладение, где на небольшой посадочной площадке ждал вертолёт. После взлёта я более-менее пришла в себя и жадно смотрела на открывающиеся просторы. Я так давно не видела землю! Правда, время было ночное, но всё равно величественная картина вольно дышащей природы показалась мне прекрасной. Города сменялись тёмными долинами и лесами, потом потекли горные вершины – их свет отливал призрачным серебром. Вертолёт начал медленно снижаться. Мы приближались к небольшому поместью в горах. Я наконец решилась раскрыть рот.

– Господин, можно спросить? – испуганно обратилась я к пилоту.

– Валяй.

– Куда мы летим?

– На курорт, – усмехнулся он. – С лучшими девушками. Тебе тут будет интереснее.

– Рабыне хорошо везде, где есть господа, – машинально откликнулась я, но взглянула за окно с любопытством. Что ждёт меня здесь?

* * *

Поместье оказалось огромным. Меня долго вели через дремлющий парк потрясающей красоты, потом мы зашли в какое-то изысканное небольшое здание. Нас встретила красивая, ухоженная, изящно одетая женщина, хотя по её бледному и немного усталому лицу было понятно, что она – человек.

– Вот новая девушка, – подтолкнул меня охранник. Женщина молча кивнула.

– Я Агата, – обратилась она ко мне. – Ты на вилле «Новая Луна». Это элитный публичный дом курортного типа. Будешь работать у нас.

Меня проводили в прелестную отдельную квартиру. Я глазам поверить не могла. Чего здесь только не было! Даже мельком я заметила такие причудливые предметы туалета, о которых толком и не знала, что с ними делать. В ванной, больше похожей на небольшой бассейн, стояла ароматная гора косметических принадлежностей, многие из которых, как потом оказалось, были натуральными мазями на травах. Присутствовал кабинет с целой стеной, занятой книгами, и стеклянной дверью, выходившей на просторную мраморную веранду. Босые ступни утопали в мягких коврах, на кровати было покрывало из блестящего дорогого шёлка. Я в жизни не видела подобной роскоши. Здесь всё дышало таким миром и уютом, что внешний мир вспоминался, как дурной сон.

– Где ты работала до этого? – поинтересовалась женщина.

– В... закусочной... в Москве...

– Чем там занималась?

– Ну, как чем... – я замялась. Вот глупый вопрос!

– Понятно, – вздохнула женщина. – Дешёвая забегаловка? Ты, должно быть, совсем невежественна. Не советую тебе завтра выходить. Приведи себя в порядок и подожди помощницу. Я пришлю рабыню, которая проверит твои способности и подскажет, как себя вести.

– Да, госпожа, – машинально ответила я. Женщина взглянула на меня с удивлением и усмехнулась.

– Я не кэлюме. Можешь называть меня по имени.

– Да... Агата.

– А тебя как зовут?

– Пухлые Губки, – мне и в голову не пришло назвать какое-то другое имя. Женщина скептически наморщила брови.

– Кто это придумал тебе такое вульгарное прозвище?... Ну, нет, у нас здесь так не принято. Будешь называть себя... – Она поразмыслила. – Почему тебя решили перевести сюда?

– Кажется... хозяевам понравилось, как я читаю стихи.

– Хм, – она окинула меня задумчивым взглядом. – Тогда Каролина. В честь поэтессы Каролины Павловой.

Я кивнула. Пусть хоть порядковый номер дают, мне всё равно.

* * *

Пришедшая утром помощница, Ольга, сразу обратила внимание на мои шрамы.

– Ничего себе, – нахмурилась она. – Придётся закрывать. Мы разработаем для тебя платья особого фасона. – Она заставила меня раздеться и внимательно осмотрела. Она не спрашивала, кто меня так изуродовал, только сказала напоследок: – Хорошо хоть лицо цело. Что ты умеешь?

Я уже успела ознакомиться с богатым арсеналом разнообразных ухищрений, предназначенных для обитательницы апартаментов, и понять, насколько я ещё далека от местных стандартов.

– Почти ничего, – честно призналась я. – В заведении, где я работала, мы только подавали вино, ну и... себя. Плюс убирались иногда в верхних комнатах. Всё.

– Сколько тебе лет?

– Ээ... хм... наверное, около... двадцати двух, двадцати трёх, – с сомнением сказала я; в Красном доме время тянулось бесконечно.

– Когда ты попала к вампирам?

– Где-то... в сентябре 2010 года.

– Сейчас 21 мая 2012 года, – сообщила Ольга. Я вздрогнула: даты словно символизировали возвращение в нормальный, привычный мир. Я принялась считать в уме. Значит... мне только девятнадцать! Вернее, будет девятнадцать... в следующем месяце.

– У меня скоро день рождения, – вздохнула я.

– Вот и отлично, – улыбнулась Ольга. – Посидим, выпьем чего-нибудь. У нас тут довольно спокойно. Убивают только тех, кого специально привозит в жертву служба снабжения. Нас, персонал, ценят. То есть пытаются, конечно, иногда, ну и кровь пьют – в умеренных количествах, но ещё не было ни одного убийства... – Ольга рассеянно просмотрела какие-то свои записи. – Итак, начнём. Проще, наверное, перечислить, что ты должна знать, чем выяснять, чего ты не знаешь... Этикет. Пение. Играешь на каком-нибудь музыкальном инструменте? Танцы? Тоже нет? Диета? Макияж? Кстати, тебе придётся играть в шахматы и бильярд, это нравится клиентам... Умеешь? Научим... Но у тебя, говорят, стихосложение в норме? Это очень хорошо. Молодая соблазнительная поэтесса, утончённый вариант...

* * *

Я начала учиться. В «Новой Луне» работали по-настоящему интересные, одарённые женщины, все – помимо эффектной внешности – остроумные собеседницы и настоящие леди в плане манер. Они должны были не просто «обслуживать», а «украшать досуг», и устраивали для клиентов целые показательные выступления. Здесь была замечательная пианистка, и мечтательные лунные трели её белого рояля обеспечили приятный аккомпанемент многим оргиям и расправам, а из девушек, владевших струнными инструментами,

можно было составить небольшой оркестр, и они часто играли голыми. Меня особенно поразила рабыня-гимнастка, которая умела показывать сложный цирковой трюк с купанием в огромной прозрачной полусферической чаше. Ночью, в свете прожекторов и блеске водных брызг, это смотрелось феерически.

Через несколько дней базового инструктажа мне разрешили поучаствовать в работе. Я начала появляться в обществе, запоминая предпочтения клиентуры, наблюдая за поведением других девушек и стараясь им подражать, и не вызвала нареканий. Спустя несколько недель интенсивных тренировок я окончательно вписалась в атмосферу заведения.

Поначалу я считала, что девушек сюда отбирали за талант, но со временем поняла, что одного только искусства недостаточно. В «Новую Луну» попадали самые преданные, искренне влюблённые, готовые молиться на каждое слово, каждый взгляд господ. Таким уже не грозила смерть, максимум – лёгкая порка время от времени, чтобы не расслаблялись; «в расход» здесь шли жертвы, специально привезённые для убийства – тоже, кстати, всё отборный материал, здоровые, полнокровные люди. Хотя мне уже вовсе не казалось страшным умереть под пытками господина; наоборот, иногда я думала, что это было бы даже романтично. В самом деле, все смертны, даже кэлюме; так не лучше ли погибнуть молодой и красивой, от руки демонического любовника, в бурном океане чувств, чем угаснуть сморщенной старушени-

ей где-нибудь в онкологическом отделении заштатной больницы?.. Когда я думала об этом, страсть моя разгоралась сильнее, и я с удвоенной пылкостью обнимала алебастровые плечи своих непостижимых возлюбленных.

Мне шили платья особого покроя: облегающие фигуру, лёгкие, довольно закрытые, но с разрезами юбки до талии и удобными застёжками – легко поднять подол, легко снять. Мужчин это возбуждало. Им нравился мой оригинальный целомудренно-строгий вид.

– Для человека ты даже хорошенькая, – как-то сказал мне один из них.

В основном, конечно, от меня требовались стихи. Я радовалась своим успехам; мужчины, бывало, подолгу слушали меня, и мне ужасно льстили их восхищённые взгляды. Нередко они протягивали ко мне руки, как будто вокруг меня был какой-то невидимый ореол. Однажды, когда я закончила читать, один из поклонников, сидевший у моих ног, жадно погладил мою туфельку, и я перехватила голодный взгляд, который он бросил на мою лодыжку; но он, видно, понимал, что остальные без энтузиазма отнесутся к его инициативе единолично попробовать мою кровь, а на всех меня всё равно не хватит. Так что он с сожалением оставил мою ногу в покое и только заметил с досадой:

– После неё так и хочется кого-нибудь съесть!

Среди моих постоянных клиентов сложилась традиция брать меня в комплекте с закуской и уединяться в отдельном

кабинете. Я должна была читать стихи, а вампир в это время насиловал или убивал жертву. В какой-то момент мне начало казаться, что поэзия, секс и убийство – это, в принципе, одно и то же, так что мне не составляло труда их совмещать.

Как-то раз, подустав декламировать, я прервалась ненадолго. Хозяин в это время ласкал девушку, которая, правда, была уже без сознания от потери крови, а может, от страха. Меня внезапно охватило чувство какой-то нереальности происходящего, как будто меня здесь на самом деле нет. Слова начисто вылетели у меня из головы. Не знаю, сколько я молчала, но вдруг поймала себя на том, что просто глаз не могу отвести от его ритмичнодвигающихся ягодиц, сильной спины, гладкой кожи. Решив немножко разнообразить своё участие в его досуге, я приблизилась и легко провела пальцами по его плечу. Он, похоже, не возражал против моих прикосновений, и тогда я стала поглаживать пальцами его ягодицы; потом принялась легонько массировать задний проход. Мужчину это, кажется, возбудило до крайности; он застонал от удовольствия, проникая в свою бесчувственную партнёршу всё резче. Я прижалась к нему сзади всем телом, целуя его в шею и слегка покусывая. Потом я просунула палец ему в задний проход, и он кончил – по его словам, так бурно, как никогда раньше не кончал. Позже он попросил меня сделать то же самое, вот только другая девушка была уже мертва. Он лежал на кушетке лицом вниз, его алебастровое тело сияло в свете луны, пропорции рельефных муску-

лов, узкой талии, длинных, стройных ног были безупречны. Я принялась поглаживать его тело, и тут мне пришла новая идея. Обняв его сзади, я стала спускаться мягкими поцелуями вдоль его позвоночника к пояснице. Рукой я взяла его член, который, стоило мне только снова начать поглаживать ягодицы мужчины, быстро отвердел. Я наклонилась и осторожно просунула язык в его узкий задний проход. Потом он сказал мне, что это были самые потрясающие ощущения в его жизни (если говорить о людских женщинах). Сзади я ласкала его языком, спереди – рукой, и от этих необычных ощущений он быстро пришёл в экстаз. Позже этот способ стал моим фирменным трюком, и я прибавила его к набору моих услуг в придачу к стихам.

В свободное от работы время мы с девушками гуляли, загорали, купались в огромном бассейне и вообще довольно весело проводили время. Не то чтобы я чувствовала себя счастливой, – просто в какой-то момент я поняла, что чувствую себя так, как будто я уже умерла.

* * *

Однажды, сидя в своей комнате и полистывая книгу, я краем уха уловила странный шум. Вообще-то это было похоже на выстрелы и даже автоматные очереди. Но я давно уже привыкла ничему не удивляться и ничего не предпринимать без приказа, поэтому продолжала читать, даже когда по лест-

нице за дверью отчётливо загрохотали шаги и выстрелы зазвучали уже, казалось, над головой. Внезапно дверь распахнулась, и я увидела мужчину, одетого довольно необычно для этого места: в чёрные джинсы и тёмную спортивную куртку. Он махнул мне:

– На выход, – и я увидела, что у него в руке действительно пистолет. Привыкшая ни о чём лишнем не думать, я молча вышла, и во дворе меня ждала ещё более неожиданная картина: трупы. Трупы господ. Я увидела кровь, стекающую по мраморным плитам, тела были изрешёчены пулями. Тут и там сновали фигуры в глухой тёмной одежде, с автоматами наперевес; были среди них и женщины. В отдалении я заметила наших девушек; тем, кто в этот вечер обслуживал клиентов, какой-то мужчина бросал одинаковые непрозрачные халаты:

– Одевайтесь.

Я была в домашнем платье, а впрочем, из-за шрамов давно не носила откровенных нарядов, так что молча встала рядом с ними.

– Это все люди? – негромко спросил кто-то. – В шеренгу! – это нам. Мы построились. Откуда-то из здания снова донеслись автоматные очереди и звон стекла. К нам приблизилась молодая девушка в длинном плаще. Мужчина с пистолетом, стороживший нас, кивнул на меня.

– По-моему, вот эта.

Девушка подошла ко мне; странно, но её правильное блед-

ное лицо, обрамлённое непослушными тёмными кудрями, и особенно топазовые глаза показались мне на мгновение знакомыми. Она достала из кармана какую-то фотографию, взглянула на неё, потом на меня.

– Как тебя зовут?

– Каролина, госпожа.

– Человеческое имя.

Я не поняла, что она имеет в виду.

– Ты человек?

– Д-да, – ответила я почему-то неуверенно; я как-то отвыкла задумываться над этим вопросом.

– Папа, мама были? Как они тебя звали?

Моя мысль наконец потекла в правильном направлении.

– Тамара, – прошептала я.

– Фамилия?

– Подольская...

– Это она. Макс, отведи эту девушку к машине, – велела незнакомка мужчине с пистолетом. – Повезём её отдельно. Остальные все здесь? Начинайте зачистку. Что с периметром? Что говорят телепаты?

Её голос отдалялся, мы углубились в парк. Мужчина шёл быстро, крепко держа меня за локоть. Я опомниться не успела, как мы вышли за ворота и спустились немного вниз по горной дороге. Вдоль обочины стояло несколько фургонов. Мужчина велел мне садиться и обошёл машину с другой стороны. В этот момент брызнул свет фар, послышался

рѳв колѳс, и снова загремели автоматные очереди.

Я взвизгнула и упала на землю. Машина качалась от пуль, трещали стѳкла. Мужчина, сопровождавший меня, повалился на асфальт. Мимо пробежали чьи-то ноги, а потом произошло нечто ещё более странное: одна из тѳмных фигур остановилась, быстрыми, привычными движениями извлекла из-за пояса кол и молоток, вбила мужчине кол в сердце и отсекла голову ножом с широким сверкающим лезвием. Где-то зашумела рация:

– Пусть присылают вертолѳты, – и фигура исчезла. Я услышала, что за воротами виллы снова началась стрельба, и вдруг поняла, что вокруг меня никого нет. Я машинально вскочила и, ни о чём не думая, бросилась бежать через лес.

* * *

Не знаю, сколько я бежала. Должно быть, долго. Я вообще забыла, где я и чего хочу. Помню только, что в итоге я оказалась среди каких-то домиков – наверное, в дачном посѳлке. Потом опять лес, и снова домики. Под утро я увидела пруд и почему-то заснула.

Проснувшись я от голода, вспомнила про домики и пошла их искать. Надѳргала каких-то овощей в огородах, вернулась к пруду, вымыла их, съела и запила водой из пруда, поскольку больше неоткуда было взять. К людям я приближаться боялась. Потом снова пошла через лес.

Не помню, сколько я пряталась. Наверное, несколько дней. Мне всё казалось, что меня ищут и обязательно найдут. Ночевала то в лесу, то на каких-то чердаках. Крала кое-что из домиков, где не было хозяев, и снова углублялась в лес.

Наконец я почувствовала сильную усталость. Вся кожа зудела, искусанная насекомыми, лицо и руки расцарапаны ветками деревьев, туфли я где-то потеряла, к тому же обожгла ноги о крапиву. Я подумала, что неплохо бы вымыться и украсть где-нибудь обувь, желательно сапоги. И вообще, где я? Я взглянула на небо – солнце сияло в зените.

Я задумчиво побрела сквозь лес, пытаюсь вспомнить, откуда я пришла. Где был пруд? Где были домики?

А ещё раньше?

К вечеру я вышла на какую-то тропинку, спускавшуюся вдоль каменистого холма, и увидела далеко внизу огни. Они напомнили мне город, а потом – виллу.

И в этот момент я вспомнила, что со мной произошло.

Если в двух словах, то я сбежала из вампирского публичного дома.

Я остановилась, сошла на обочину и села на камень.

Теперь я, наверное, далеко. Да и вряд ли меня ищут. Не такая уж я драгоценность. Что там произошло? Наверное, какие-то свои межрасовые разборки. Ясно же, что те, кто напал, тоже были кэлюме. Иначе что значила эта сцена с отсечением головы? Мимоходом услышанные мной слова о телепатах?

Скорее всего, никого из моих прежних хозяев больше нет в живых. А если меня и будут искать, то не найдут. Я сама уже не знаю, где я.

Я посмотрела вниз, на далёкий шевелящийся огнями город. Солнце зашло, и над горизонтом разливалось марево ржавого оттенка.

Теперь, стало быть, я могу вернуться к нормальной жизни. По крайней мере, мне уже никто не мешает её, нормальную жизнь, вести. Получается, я свободна. Что надо?.. – Наверное, вернуться домой. Сообщить, что я, оказывается, жива. Восстановиться в институте – без образования меня никто на приличную работу не возьмёт. Даже, наверное, к врачу идти не придётся: если до сих пор не умерла, значит, не умру. Заражения крови нет, а ничем другим от вампиров заразиться нельзя... Правда, я сейчас, похоже, далеко от Москвы. Обратиться в полицию, что ли? Сказать, что попала в секту... заставляли работать... вот, истощала малость... поехала по глупости вместе с приятелем, думала, что влюблена... Мельком вспомнился Влад – как неясный сон.

Я снова пошла вперёд, но споткнулась, ухватила за кусты и сообразила, что каким-то образом вышла к обрыву. Я, выходит, попала на тропинку, которая заканчивалась тупиком. Зачем только такие протаптывают?.. Я осторожно вытянула голову и посмотрела вниз. В полутьме было плохо видно, что у меня под ногами, но дальше поблёскивали голые

бока скал.

Я вдруг поняла, что чисто физически не смогу уйти отсюда назад. Я никогда не смогу вернуться к нормальной жизни, что бы под этими дурацкими словами ни подразумевалось. Всё это призрачное благополучие, которое можно было бы обрести, если забыть о том, что меня где-то насиловали два года, казалось теперь совершенно ненужным, каким-то фарсом, не имеющим ко мне никакого отношения. Я никогда больше не смогу поверить в себя. Я никогда не смогу смотреть другим людям в глаза, чтобы не увидеть в них отражение себя – такой, какой я теперь сама себя видела: человек, который отвык задумываться, человек ли он. Из которого выпили всю жизнь, а тело выбросили на помойку.

А в следующее мгновение я поняла, что всё это вообще без разницы. Нет никакой разницы на самом деле, жить или умереть. Я подняла голову и поняла, что передо мной лежит дивный, свободный, зовущий мир. Но другой. А в этом мне нет места. Лучше уйти. Надо только сделать шаг и полететь.

И тогда я услышала это. Пульс. Он бился где-то в глубине земли и поднимался на поверхность. А вместе с его ровным дыханием к небу поднимались, как отсветы сияющих лепестков, волны могущественных, манящих энергий, гудящих, как электрический ток.

Я огляделась и вдруг сообразила, что это мимолётное ощущение – не метафора, что это на самом деле происходит. Вокруг меня текли волны алого и серебряного света. Я

опустила глаза и увидела сквозь землю. Там, глубоко внизу, раскрывался гигантский цветок, переливавшийся, как серебром и кровью, неисчислимым множеством прозрачных, светло-алых, багряных оттенков. Он кипел и оведал холодом. Он дышал. От него поднимался ток, как зов. В воздухе растворялся пульс сияющих энергий. Они звали меня, звали мою душу. И я сделала шаг и полетела.

3. Открытые свету

Я летела долго, рассеянно созерцая раскрывающиеся внизу панорамы. Лунный свет приятно омывал тело. Мелькали горы, поля, города. И все в общем-то казались одинаковыми: глухими, тёмными в сравнении со звенящими в воздухе волнами.

Но потом я прислушалась и поняла, что ошиблась. Поверхность земли не однородна. На ней присутствовали скопища существ, внутри у которых что-то блестело. Что-то очень привлекательное.

Я начала снижаться. Массы с блестящим веществом в основном собирались в местах, где было много электричества, и потому я издалека спутала их свет с искусственным. Но при ближайшем рассмотрении всё оказалось иначе. Соблазнительная субстанция находилась внутри них, внутри их тел. Я опустилась на землю в какой-то из пустых подворотен и пошла по улицам, с интересом оглядываясь вокруг.

Я слышала со всех сторон шум – как бы шёпот и обрывки фраз. Однажды слова прозвучали даже довольно громко:

- Наркоманка какая-то...
- Ты думаешь?..
- Конечно, смотри, синяя вся.
- Девушка, может, вам помочь?..
- Пошли отсюда...

Шумы удалились, и я постфактум осознала, что весь разговор относился ко мне, и что наиболее отчётливые фразы были сказаны вслух, а всё остальное, что я слышу, — это мысли.

Какое-то существо проводило меня навязчивым взглядом. Я почувствовала неприятную мысль, в которой некий мужик насиловал голую девушку.

«Отвернись, гнида», — машинально подумала я, и мужик отвернулся. Я поняла, что могу не только читать мысли существ, но и управлять ими. Если что-то пойдёт не так, я всех убью.

А что, если просто так кого-нибудь убить? Мысль пришла словно сама собой. А почему бы и нет? Я ещё ни разу никого не убивала. Это я почему-то знала точно, хотя всё остальное о себе помнила смутно. Помнила только какой-то обрыв на скале, и всё.

Я оглянулась. Итак, надо кого-нибудь убить. Но кого?.. Я заметила бредущую по другой стороне улицы стайку парней и пошла наперерез.

Четверо молодых людей остановились напротив, разглядывая меня с весёлыми ухмылками, в которых, впрочем, сквозило удивление.

— Чего надо, метёлка? — обратился ко мне один из них.

Я как раз пыталась понять, чего мне надо.

— Иди отсюда, овца, — посоветовал другой.

— Нет, — я покачала головой и ткнула наугад в одного

из них. – Это ты пойдёшь со мной.

– Куда это? – развеселился парень.

Я неопределённо огляделась и назвала первое, что попало на глаза:

– В подъезд.

Я дополнила свой замысел, опустив им на головы густую волну багряных энергий: «Ты сейчас пойдёшь со мной в подъезд. Остальные подождут здесь». Лица у парней на мгновение стали безвольными, один из них молча отделился от группы и пошёл за мной.

В полутьме под лестницей я обернулась.

– Я люблю целоваться с парнями в подъездах, – монотонно произнесла я, хотя это была неправда; скорее, я откуда-то знала, что это он любит целоваться в подъездах с девушками. – Давай поцелуемся, – рассеянно предложила я.

– Ты красивая, – абсолютно без всякого выражения ответил он, повторив при этом ровно ту мысль, которую я сама только что вложила ему в голову.

– Ты тоже ничего, – великодушно отозвалась я и машинально провела пальцем по его шее. Блестящее вещество. Его можно выпить.

В следующее мгновение всё утонуло в ярко-алом мареве.

Вокруг меня клубилась кровь. Я вдыхала её, как пар. Сияющие энергии разгорелись ярче и пустились в пляс. Так вот чего мне всё время не хватало! Теперь весь мир словно заискрился яркими, чистыми красками. Я слышала каждую его

клеточку. Под землёй бешено колотился пульс.

Что-то свалилось на пол. Я поднялась наверх. Это бесчувственное существо было больше не нужно мне. Один лестничный пролёт, другой... Под самой крышей я заметила разбитое окно и вылетела в него. Как же всё-таки прекрасно ночное небо! И как легко дышится!

Краем глаза я заметила группу никчёмных существ. Они всё ещё торчали возле подъезда, болтали о чём-то, но не уходили, как привязанные. Я почувствовала, что можно их отпустить. «Расходитесь, – бросила я им напоследок. – Не ждите его. Он потерялся». И они молча разошлись.

* * *

Мне захотелось вылететь из города. Если не считать существ с приятной кровью, здесь было отвратительно. Слишком много шума и суеты, бесполезных, бесцветных мыслей и жизней. Весь этот хлам можно было бы безболезненно сократить на девять десятых. Оставить только свет, бегущий в их венах.

Я снова поднялась над крышами домов и полетела за город.

Здесь было посвободнее. Свет луны теперь ощущался ярче. Мне захотелось искупаться. Заметив блестящую излучину реки, я устремилась к ней и с размаху хлопнулась в воду.

В жизни течение реки не ощущалось таким приятным.

Шёпот воды струился сквозь самую душу. Сквозь прозрачные струи я любовалась на луну. Луна тоже смотрела на меня. Я засмеялась, всплыла на поверхность и вылезла на берег.

Трава была сочной и мягкой. Я сбросила промокшее платье. Вот бы век так лежать... Сейчас, в наступившей тишине, я с особенной остротой почувствовала гудение земли, слышала его буквально всей спиной. Мир был полон голосов света. Я попыталась прислушаться повнимательнее и вдруг снова увидела – теперь уже не глядя – блистающий кровью подземный цветок. Он качал лепестками, словно приветствуя меня, качал мою душу...

«Здравствуй, ромеи Тамара», – вдруг отчётливо услышала я чей-то голос в моей голове. Голос исходил из цветка. Это была его мысль! Он говорил со мной.

«Ты кто?» – на всякий случай спросила я, хотя и так было видно.

«Я – Пульс». Не знаю почему, но ответ показался мне удовлетворительным.

«Привет, Пульс», – миролюбиво отозвалась я, не раскрывая рта. Болтать с ним оказалось приятно, как со старым знакомым. У меня возникло ощущение, что он улыбается.

«Ты теперь кэлюме».

Кэлюме? Знакомое слово...

«Люди называют нас вампирами или упырями».

А, да! Ну, это глупо. Какие мы вампиры?..

«Кэлюме – высшая раса, пришедшие со звёзд, открытые свету. Мы питаемся жизненной энергией, которая называется люмэ. Это один из видов света. Есть и другие. Ты видишь сейчас потоки силы, разливающейся вокруг? Это свет незримый. Дыхание вселенной. Мы называем его альрома».

Я слушала, затаив дыхание. Да, вокруг меня лились сияющие потоки альрома, как прозрачные лепестки, раскрывающиеся и закрывающиеся. Они и были моей истинной сущностью. Наиболее густые волны сосредоточились в Пульсе, который я ощущала как гигантский источник неизмеримой силы, поднимавшейся ввысь, в небо. Невозможно было и представить себе всего, что таилось в альрома.

«Ты так чувствуешь потому, что ты ромеи».

«Ромеи?»

«Значит, женщина. Высшее существо. Ты можешь обращаться к альрома и управлять ею».

«А мужчины?»

«Это сурги. Они тоже воспринимают альрома, но находятся от неё как бы в отдалении. Только ромеи может привести к сургу поток альрома непосредственно. С помощью альрома ты можешь дарить и наказывать. Тебе будут подчиняться».

«Ясно». Признаться, я почувствовала себя в несколько непривычной роли. «Дарить и наказывать»?.. Да и чего мне беспокоиться? Не лучше ли жить для себя?

«Сурги нуждаются в альрома. В близости ромеи. Это называется эспальдо – истинная близость. Для сурга это – выс-

шее наслаждение и жизненная необходимость. А ромеи нуждаются только в люмэ».

«Люмэ?»

«Помнишь тёмных существ, которые бродят, как вязкое болото? Их особенно много в больших городах».

«А, да... Сквозь них ещё идут такие яркие отсветы...»

«Это люмэ. Она содержится в крови их организмов. Существа – тину, людва. Они нужны для того, чтобы давать люмэ».

Точно! То-то мне всё чего-то от них хотелось!

«Люмэ повышает силу всех кэлюме. Альрома расширяет способности сознания, но без люмэ тело умрёт».

«Так значит, мы всё-таки можем умереть?» Я встревожилась. Я почему-то совершенно забыла об этом важном пункте, чувствовала себя, как будто заново родилась, полной сил, бессмертной...

«Кэлюме – если не погибают насильственной смертью – живут очень долго. Веками. Продолжительность жизни зависит, во многом, от контакта с альрома. Жизненную силу и сознание кэлюме можно определить по характеру светимости. Это ореол энергий альрома вокруг тела. А те, кто умирает, растворяются в альрома. Это довольно приятное состояние, не похожее на мучительную агонию людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.